

ОПЕРАЦИЯ НАЧНЁТСЯ В ПОЛДЕНЬ

ОЛЕГ КРАСИН

Олег Красин

Операция начнется в подень

«Э.РА»

2016

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Красин О.

Операция начнется в подень / О. Красин — «Э.РА», 2016

ISBN 978-5-00039-227-0

Первая книга трилогии о сотрудниках ФСБ. Основные события развиваются в областном городе Уральске вокруг приватизации металлургического комбината, имеющего оборонное значение. Сотрудники ФСК (с 1995 г. – ФСБ) Забелин и Цыганков противостоят коррумпированным чиновникам и местному криминалу, которые пытаются получить контроль над предприятием. Книга написана в жанре боевика, рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 821

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-00039-227-0

© Красин О., 2016

© Э.РА, 2016

Содержание

Фаза I. Замысел	6
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Олег Красин
Операция начнется в полдень

© Павлов О.Б. 2016

Фаза I. Замысел

Уральск, шоссе Новаторов, 5 мая 1994 г., 11.30

– «Третий», «Третий», доложите обстановку!

Майор ФСК¹ Сергей Забелин услышал знакомый голос в динамике рации и на миг представил начальника отдела полковника Шумилова, который обычно курил сигарету за сигаретой в своём кабинете, сидя за столом и отдавая указания. В его кабинете и без того было всегда накурено, а теперь, в период проведения операции, дым скорее всего висел едким смогом. Все, кто входил в это время в кабинет полковника, спешили поскорее покинуть прокуренное помещение.

– «База», это «Третий», следуем за объектом, пока ничего подозрительного, – ответил Забелин.

Он ехал в «Волге» бригады наружного наблюдения. Они осуществляли скрытое сопровождение, следуя за вазовской «семёркой» вишнёвого цвета и пропустив впереди себя две легковые машины для маскировки.

За неделю перед этим в Управление федеральной службы контрразведки по Уральской области обратилась молодая женщина Маргарита Виккерс – типичная бизнес-вумен, к которой «подкатили» некие бритоголовые люди спортивного вида и предложили «крышу» для её магазинов в Кировском районе города. Ещё в декабре прошлого года она согласовала в администрации города проект крупного торгового центра, и разборки с уголовной шпаной ей были совсем ни к чему.

Эта женщина почему-то не пошла в Управление по борьбе с организованной преступностью, возможно, из-за недоверия к милиции, а может, по каким-то другим причинам. Бандиты хотели за «крышу» получить тридцать тысяч долларов, но чекисты планировали положить в сумку только муляжи пачек. Настоящих денег передавать никто не собирался.

Разработкой операции по задержанию вымогателей занялся сам начальник отдела экономической контрразведки полковник Шумилов – человек целеустремлённый, энергичный и вдумчивый, не доверивший это дело никому другому.

Курировал работу отдела один из заместителей начальника управления некто полковник Кислицын. Забелин потом узнал, что, изучив заявление бизнесменши, тот, попавший в своё время в систему КГБ из комсомола, прочитал Шумилову целую лекцию. Кислицын заявил, что молодых бизнесменов надо всемерно поддерживать, опекать и оказывать им всяческую помощь: такова политика государства, провозглашённая президентом Ельциным. Требовалось в одночасье создать класс собственников, людей, которым есть что терять, которые будут надёжной опорой нового строя, и роль органов безопасности в этом процессе должна стать ощутимой.

На протяжении этой нудной, высказанной менторским тоном речи Шумилову несколько раз хотелось закурить, и он держал руку в кармане пиджака, зажав пальцами пачку сигарет. Про себя Шумилов тихо матерился.

В своё время он посмотрелся на этих чиновников от госбезопасности, говоривших правильные слова, дававших указания с важным видом. При первых признаках демократической грозы, разразившейся в номенклатурном небе, они резво покинули коммунистический корабль, следовавший курсом в светлое будущее, а заодно и стены учреждения под названием «КГБ».

¹ ФСК – Федеральная служба контрразведки, с 1995 г. ФСБ РФ.

Однако Кислицын каким-то образом задержался и сейчас выглядел в стенах обновлённой службы странным атавизмом, как если бы к современному стеклобетонному зданию прилепили дорические колонны.

Операцию тщательно планировали.

Передачу денег бандиты назначили на центральном городском рынке в полдень. Для их поимки было подготовлено несколько оперативных групп, которые находились вблизи предполагаемого места передачи.

Один из сотрудников управления, сослуживец Забелина по отделу капитан Цыганков, выступил в роли посредника и должен был непосредственно участвовать сначала в передаче, а потом и захвате вымогателей. Это он ехал в вишнёвой «семерке», а Забелин с ребятами из наружки сопровождали его в качестве прикрытия.

На всякий случай в сумку с фальшивыми долларами вшили радиомаяк, который мог и не потребоваться, но Шумилов решил подстраховаться: чем чёрт не шутит! Это изделие осталось ещё с кагэбэшных времён, оно казалось надёжным, как всё, что тогда делали для могущественной спецслужбы: было удобным, миниатюрным, долго держало зарядку, хотя и имело небольшой радиус действия.

Между тем рация снова ожила.

– «Первый», как у вас дела? Что наблюдаете? – поинтересовался Шумилов.

– «База», пока всё спокойно. Возле интересующего места крутятся несколько азеров. Это люди директора рынка, новых лиц не замечено.

– Продолжайте наблюдение.

Позывной «Первый» принадлежал Игорю Лысенко – начальнику второго отделения в отделе Шумилова. Его группа совместно с членами АОБГ² управления должна была осуществить захват. Люди Лысенко уже находились на рынке, маскируясь под обычных покупателей, и были готовы немедленно действовать по сигналу старшего.

Забелин испытывал обычное возбуждение, которое появлялось у него при участии в делах такого рода. С 1991 года, когда в КГБ создали отделы по борьбе с коррупцией, контрабандой и организованной преступностью, ему уже приходилось несколько раз участвовать в операциях по захвату бандгрупп или, как их называли, «бригад», возникавших в начале девяностых как грибы. Он не мог припомнить другие годы по сравнению с нынешним 1994-м, чтобы было столько сообщений в прессе и телевидении о вымогателях и их захватах. Как будто криминальная лавина обрушилась на города и веси России, грозя полностью снести жалкие обломки системы правосудия, оставшейся от советских времён.

– Через десять минут буду у рынка, – чётко прозвучал по рации голос Цыганкова из «семёрки».

– Всем приготовиться! – отдал команду Шумилов.

Шоссе Новаторов тянулось вдоль всего города, местами уходя под мосты и часто прерываясь кольцевыми развязками. Такую длинную дорогу Забелин встречал только однажды, в Волгограде, будучи в служебной командировке. По волгоградской дороге можно было проехать, не останавливаясь, через весь город, который растянулся по берегам Волги на несколько десятков километров.

Погода в мае не баловала теплом, светило яркое солнце, но было прохладно: дул северный ветер. Большинство оперативников надели чёрные кожаные куртки, которые ещё осенью в большом количестве коммерсанты завезли на местные рынки из Китая.

Забелин был одет, как все. Если бы не современный буржуазный антураж – иностранные машины, многоэтажные дома, рестораны, рекламные вывески, то могло показаться, что чеки-

² АОБГ — антитеррористическая оперативно-боевая группа.

сты времён революции в чёрных кожанках едут на операцию. Только вместо маузеров в кобуре скрытого ношения пистолеты Макарова.

Сергей внимательно следил за происходящим на шоссе. Машина, в которой он находился, ехала по левому ряду, как и «семёрка» Цыганкова, поэтому Забелин мог спокойно наблюдать за всеми автомобилями, следовавшими за Цыганковым или обгонявшими его. Изредка он поглядывал в боковое зеркало заднего вида, чтобы убедиться в отсутствии чужого преследования.

Постоянно следующих за ними одних и тех же машин он не обнаружил.

Вскоре несколько тяжелогружёных фур-КамАЗов догнали машину Забелина, а потом, тяжело урча, поползли по крайнему правому ряду вперёд. Обойдя три машины, они поравнялись с «жигулями» Цыганкова, и один из КамАЗов принял влево, полностью закрыв обзор Забелину. На КамАЗах были казахстанские номера, вероятно машины шли транзитом от одной границы к другой.

Приближался перекрёсток со светофором, от которого до рынка ехать совсем недалеко.

Внезапно КамАЗы резко затормозили, и Забелин увидел, как у самого светофора одну из большегрузных машин подрезала белая вазовская «девятка». На светофоре зажёгся «красный цвет», движение прекратилось.

Происходящее там, у самого перекрёстка, Забелин видеть не мог: мешали КамАЗы. Он взял рацию, вызвал Шумилова:

– Я «Третий», «База», ответьте!

– Что у вас?

– Ко «Второму» подошла чужая «девятка». Они встали у перекрёстка. Я их не вижу, ситуацию не контролирую.

– Спокойно, «Третий», – Шумилов, вероятно почувствовав волнение в голосе подчинённого, тут же попробовал связаться с Цыганковым: – «Второй», «Второй», доложите обстановку.

Рация Цыганкова молчала.

– Приготовьте оружие! – приказал Забелин сотрудникам наружного наблюдения и оперативнику из их отдела Олегу Верёвкину, сидевшему с ним в машине. Сам он достал пистолет и опустил руку с оружием на колени.

Он уже хотел выскочить и добежать до цыганковской машины, как вдруг «девятка» выскочила на перекрёсток в то время, когда ещё горел красный свет, и, резко повернув направо, помчалась по дороге. Она набирала скорость, лавируя в плотном потоке машин.

Сразу по рации раздался голос Цыганкова:

– «База», «Второй» докладывает, сумка в белой «девятке», номер замазан грязью. Уходят в сторону городка Metallургов. В машине четыре человека, все вооружены, у двух автоматы.

– Саня, ты как там? Всё нормально? – не выдержав, крикнул Забелин.

– «Третий», не нарушайте правила работы в эфире, – попенял ему Шумилов и тут же отдал команду: – внимание всем группам, начать преследование «девятки» белого цвета! Машина движется по улице Тевосяна в сторону городка Metallургов. В ней четыре человека, все вооружены. «Первый», свяжитесь с милицией, пусть выставят заслоны. «Беркут», «Беркут»! – обратился он к старшему бригады наружного наблюдения, – ведите машину по маяку.

Забелин приказал водителю немедленно трогать, и они, нарушая все писанные и неписанные правила дорожного движения, отчаянно сигналив, с трудом маневрируя между другими машинами, переместились из левого ряда в правый, а затем на светофоре повернули направо, вслед за машиной Цыганкова.

По улице Тевосяна плотным потоком двигались грузовые и легковые машины, но «девятка» бандитов пропала из поля зрения.

«Неужели упустили?» – подумал с досадой Забелин.

Но ещё оставалась надежда, что наружка ведёт бандитов по радиомаяку. Он приник к рации в ожидании, что вот-вот раздастся голос Шумилова, имевшего прямую связь с наружкой, и те обозначат координаты, цель, куда следует немедленно выдвинуться всем группам.

Но рация молчала.

Они безрезультатно проехали ещё пару километров, пока не увидели на обочине вишнёвую «семёрку» Цыганкова. Тот стоял возле машины и нервно курил. Когда Забелин подошёл к нему, Цыганков был неподвижен, только руки немного тряслись от пережитого волнения, ветер трепал чёрные, как смоль, волосы на голове.

– Сашок, ты как, цел? – спросил Забелин с чувством внутреннего облегчения.

– Да пошло оно всё! – Цыганков сплюнул под ноги. – Серёга, я узнал этих бандюганов, это люди Матвея.

– Брось! – удивился Забелин, – разве Матвей занимается рэкетом?

– Выходит, занимается!

Забелин крепко выругался.

– Чёрт, и наружка не смогла отследить! – сообщил он Цыганкову. – Потеряли этих уродов вместе с маячком, а он ещё от КГБ достался. Теперь точно на ковёр вызовут, жди разборок.

В это время дверца его машины открылась, и высунувшийся Олег Верёвкин сказал:

– Сергей, «База» передала всем отбой и приказ возвращаться.

– Недолго музыка играла! Поехали, Сашок!

Ободряюще похлопав Цыганкова по плечу, Забелин пошёл к машине. Он шёл с тяжёлым чувством, предвидя служебное разбирательство и нервотрепку для всего отдела.

Уральск, Управление ФСК России по Уральской области, кабинет полковника Шумилова Н.П., 5 мая, 15.00

В кабинете Шумилова собрались все старшие групп, отвечавшие за проведение операции по захвату вымогателей. Шумилов нервно ходил по кабинету, курил сигарету за сигаретой.

– Ну что? – спросил он, ни к кому не обращаясь, – проворонили, прошляпили? Профессионалы, мать вашу! Что прикажете докладывать руководству? Дело доходит до смешного – на нас работала половина Управления, были задействованы все службы, и что в результате? Ноль целых, хрен десятых! Забелин, почему была сорвана операция, что думаешь?

– Товарищ полковник! – Сергей хотел встать со своего места, но Шумилов махнул ему рукой, давая разрешение отвечать сидя. Тот продолжил: – Вероятно, при планировании операции были допущены серьёзные ошибки. Мы не смогли предвидеть ходы противника, нас переиграли на какой-то стадии операции. Но вот где, когда? Это вопрос...

– Может, они следили за машиной Цыганкова всё это время, а наружка их упустила? – спросил Лысенко. – А что, элементарно! Сейчас бандюки подготовлены не хуже нас, а оружие и транспорт у них даже получше. Ещё Наполеон говорил, что техника на войне решает все.

– Не техника, а артиллерия, – поправил его Шумилов. – Мне думается, что бандиты, зная маршрут Цыганкова, спланировали контроперацию. Они просчитали места возможного перехвата машины, выбрали наилучшее из них и осуществили задуманное. Остается только догадываться, использовались ли ими КамАЗы специально, или это было дело случая. Но я считаю, что случайности здесь не было.

На столе у начальника отдела стояло несколько телефонов цвета слоновой кости с гербами СССР в центре, там, где находился номеронабиратель. Эти телефоны не меняли на современные кнопочные, хотя те были значительно удобнее, с множеством дополнительных функций. Аппараты имели одну особенность – изнутри были покрыты лёгким металлизированным слоем, который создавал экран и не позволял производить съём информации со стороны.

Один из таких аппаратов Шумилова напрямую был связан с кабинетом полковника Кислицына. Стоило Забелину случайно обратить взгляд на стол Шумилова, как он увидел, что на этом телефоне сначала замигала крохотная красная лампочка, а следом раздался звонок.

Шумилов подошёл к столу и без видимого желания снял трубку.

– Полковник Шумилов, – сказал он усталым голосом, – все люди у меня, проводим разбор операции. Есть!

Он положил трубку.

– Нас вызывает Кислицын. А ты, Цыганков, – обратился он к сидевшему до этого молча товарищу Забелина, – ты там не кипятишься, веди себя спокойней, а то я тебя знаю, начнешь доказывать, что не рыжий. Это мне ты можешь доказать, а там слушай указания и не возражай.

– А что я? – спросил Цыганков. – Вы же знаете, против автоматов не попрёшь с одним пээмом. И потом, я не рыжий, я брюнет.

Полковник Кислицын пил чай с лимоном и, увидев входивших сотрудников отдела во главе с начальником, кивнул им, чтобы вошедшие расположились за длинным столом, за которым обычно проводились совещания. Кислицын аккуратно подобрал ложечкой дольку лимона и положил её в рот, пожевал немного, потом осторожно выплюнул разжёванный лимон в стакан. Он спросил строго:

– Товарищ Шумилов, почему отдел провалил операцию? Вы провели анализ, вскрыли причины? Я считал, что вы достаточно хорошо подготовились, чтобы не допускать ошибок!

На его полном, одутловатом лице возникло выражение сосредоточенной угрюмости, возникавшее обычно перед разносимами, которые Кислицын любил устраивать подчинённым.

– Товарищ полковник, – Шумилов слегка закашлялся, – мы проработали всё тщательным образом, план операции был доложен лично вам и не вызвал возражений. Это досадный срыв, причины которого мы пока не поняли.

– Вот именно, не поняли! Настоящие причины всегда лежат на поверхности. Я уверен, что не обошлось без утечки информации. Надо разобраться, кто имел к ней доступ, кто знал о времени проведения операции, маршруте следования Цыганкова, о его прикрытии.

– Не думаю, что в наших рядах есть человек, способный продать информацию бандитам, – с сомнением произнёс Шумилов, внимательно глядя на начальника.

– Как говорил Мюллер: «В этом мире никому верить нельзя». Поэтому, Николай Поликарпович, не зарекайтесь! Признайтесь, что допустили грубейшие ошибки при подготовке, а ошибки с вашим опытом вещь труднообъяснимая! Я вообще не понимаю, – тут Кислицын перешёл на крик, – как это могло произойти? Сорвать простейшую операцию, словно вы какие-то молодые оперработники, первогодки! Что мне докладывать генералу, что докладывать наверх?

Все подавленно молчали.

– Кстати, я хотел бы послушать капитана Цыганкова, – вдруг спокойно продолжил Кислицын, будто до этого и не кричал, – что он думает о провале операции?

Цыганков поднялся со своего места, и, несмотря на кажущееся спокойствие, Забелин почувствовал его сильнейшее волнение.

– Товарищ полковник! – начал Цыганков, – мы все делали по плану. Я получил деньги, выехал на шоссе Новаторов, при этом постоянно проверялся, меня никто не пас, то есть не ехал следом, кроме наших. Потом эти взялись непонятно откуда. Подскочили перед светофором, наставили стволы. Что было делать? По рации не свяжешься. Оторваться от них было невозможно, потому что машины шли плотно по Тевосяна.

– Оправдания всегда можно найти, Цыганков, – перебил Кислицын, – но я повторяю, что мне теперь докладывать начальнику управления, как оправдываться?

Борис Иванович строго оглядел присутствующих, сделал значительную паузу, чтобы все прониклись, а потом продолжил:

– Теперь, каков результат, я вас спрашиваю? Деньги ушли к бандитам. Это раз. Защитить интересы потерпевшей мы не смогли, поскольку вымогатели получили свой навар. Это два. Опустили свой имидж перед милицией и в глазах населения, если, конечно, об этом случае станет широко известно. Это три. Итак, одни минусы в нашей работе. А где же плюсы? Ну, кто ответит, молчите?

– По крайней мере, мы не раскрылись перед бандюками, – пробормотал Цыганков, – можно начать всё сначала.

– Сначала? – вновь закричал Кислицын, – а этого вам что, мало? В общем так. Капитану Цыганкову я объявляю строгий выговор, а в отношении вас, полковник Шумилов, будет решать генерал. Всё, совещание окончено, все свободны.

Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет заместителя начальника Управления ФСК полковника Кислицына Б.И., 5 мая, 16.30

После того как Шумилов с сотрудниками отдела покинул кабинет, Борис Иванович вызвал начальника отделения собственной безопасности подполковника Усольцева.

До недавнего времени Усольцев работал в отделе Шумилова – возглавлял отделение, которым теперь командовал Забелин. Между Усольцевым и Шумиловым сложились натянутые отношения, вызванные разными подходами к работе: Шумилов любил работать серьёзно, не торопясь ни с выводами, ни с действиями; в отличие от него Усольцев был «скорохват», у которого нередко поступки опережали мысли. Это приводило к ошибкам, часто серьёзным, и в конечном счёте должно было послужить причиной служебного понижения. Но всё сложилось иначе.

В Уральское управление из далекого Магадана был переведён Кислицын, который сразу приметил опального начальника отделения и взял под защиту. Кислицын убедил генерала Алексеева перевести Усольцева в отделение собственной безопасности, где тот вскоре, после увольнения старого руководителя на пенсию, был назначен на его место.

– Леонид Петрович, – сказал Кислицын, едва Усольцев переступил порог его кабинета, – ты слышал о сегодняшней неудачной операции?

– Конечно, Борис Иванович, всё Управление говорит.

– Я хотел бы, чтобы ты занялся этим.

– А что, есть какие-то подозрения? Что-нибудь конкретное?

– В том то и дело, по отчётам сотрудников Шумилова придаться не к чему: не смогли помешать бандитам, не предвидели их действий. Всё так, такое бывает. У нас в Магадане тоже был похожий случай, но мне кажется, что всё же была утечка информации или, как сейчас модно говорить, «слив». Насколько я могу судить по рапортам, за Цыганковым следовали две машины: Забелина и машина с разведчиками наружного наблюдения. Прикрытие достаточно серьёзное!

– И что, никто из них не заметил хвост? Там же были профессионалы!

– Так-то оно так, – полковник прошёлся по кабинету, – профессионалы, которые не заметили любителей. Вот где парадокс!

Он подошёл к Усольцеву и доверительно положил руку на округлое плечо собеседника. Внешне главный специалист по собственной безопасности напоминал актёра Леонова – такой же маленький, кругленький, но не такой безобидный.

– Я прошу тебя разобраться: надо уточнить, кто имел доступ ко всей информации об операции, кто знал время и место передачи денег, маршрут движения Цыганкова.

– Полагаю, эту информацию имело в первую очередь руководство отдела, – осторожно заметил Усольцев и посмотрел, как на его слова отреагирует заместитель начальника управления. Но Кислицын промолчал. – Я думаю начать с них: Шумилов, Забелин, Лысенко, ну и,

конечно, придётся проверять Цыганкова. По моим данным, он в последнее время часто общается с криминальными элементами.

– Только учти, что Цыганков может встречаться с ними по делу, он курирует линию организованной преступности. И потом, Шумилова с Лысенко, мне кажется, надо исключить из круга проверяемых. Шумилов – начальник, он такие операции проводит почти каждый день, и почти все они успешны. А Лысенко привлекли по ходу дела, как любого другого оперативника. Если проверять его, то надо проверять практически весь отдел. Нет, начать следует с Забелина и Цыганкова. Всем известны их приятельские отношения.

– Хорошо, я учту это.

– Для проверки привлеки минимум сотрудников отделения, санкцию на прослушивание телефонов я дам, здесь не частное жилище, поэтому к прокурору обращаться не будем.

Борис Иванович показал, что разговор окончен и поднял трубку, намереваясь вызвать секретаршу из приёмной. Однако Усольцев не торопился уходить. Тогда Кислицын недовольно спросил:

– Что-то ещё?

– Хотел уточнить, товарищ полковник, с генералом этот вопрос согласован?

«Вот стервец! – подумал Кислицын, – страхуется. Я его вытащил из лужи, в которой он барахтался, дал приличное место, а он вздумал разыгрывать из себя независимую фигуру. Хочет, чтобы я его попросил об этом деле как о личной услуге».

– Послушай, Леонид Петрович! – сказал Кислицын раздражённо. – Это я перевёл тебя из отдела Шумилова на собственную безопасность, а ведь вопрос стоял о понижении тебя в должности за упущения! Я тебя спас, прикрыл твою задницу! Или я не прав?

– Правы, товарищ полковник! Я этого никогда не забуду.

– Поэтому я жду, что ты не будешь задавать лишних вопросов. Ты не делаешь одолжение этой проверкой. Учти! Это твоя обязанность – проверить сигнал.

– Я понимаю, но все же... – Усольцев помялся, – сами знаете, Борис Иванович, в таких делах нужна санкция начальника управления.

– Буду сегодня вечером на приёме у генерала и обо всём доложу, – сухо ответил Борис Иванович. – Думаю, в этом вопросе найду полную поддержку. А тебе дам знать о решении начальника завтра.

– Больше вопросов не имею!

Усольцев мягко повернулся и как колобок выкатился из кабинета. Недовольно посмотрев ему вслед, Кислицын излишне сильно нажал на грифель карандаша, которым подчеркивал отдельные слова в просматриваемом документе. Грифель сломался. Кислицын чертыхнулся и выбросил карандаш в мусор.

Уральск, кабинет главы администрации Уральской области Медведева А.И., 6 мая, 10.00

Глава администрации области Медведев был избран на этот пост всего четыре месяца назад. Он не принадлежал к клану старых руководителей, но в то же время и не так уж далеко отстоял от них, поскольку был директором крупного подшипникового завода. Их называли «красными директорами», так как считалось, что они руководили производством старыми управленческими методами и всячески тормозили приватизацию.

Как независимый кандидат Медведев обошёл на выборах секретаря обкома КПРФ, кандидатов от ЛДПР и «Выбора России». Особенно обидно это показалось последним, считавшим себя партией власти.

Получив большой пост, Медведев не отдалился от привычного для него окружения, друзей, знакомых. Один из таких друзей сидел у него в кабинете. Они пили кофе с коньяком и разговаривали «за жизнь».

Друга Медведева звали Аркадий Соколовский. Начинали они когда-то инженерами на одном заводе, потом Аркадий ушёл в кооператив во времена горбачёвской перестройки, а в 1991-м открыл своё дело – у него было несколько оптовых баз по торговле спиртным и сеть магазинов в городе.

– Вот, Лёша, ты и попал в эшелон власти, – посмеиваясь, заметил Аркадий, – кто бы мог подумать тогда, двадцать лет назад?

– Не эшелон, Аркаша, а этаж власти. Этаж, можно сказать, полуподвальный, цокольный. Но по ступенькам, которые ведут наверх, я думаю, мне хода нет.

– А что так?

– Сомневаюсь, что буду где-то ко двору на верхних этажах. Ты же меня знаешь, я, как Ельцин в молодости, могу правду-матку в глаза врезать. А сейчас это не приветствуется. Сейчас только в мемуарах пишут, какие раньше все были смелые, отчаянные – не боялись ЦК, могли КГБ послать куда подальше. Борцы за справедливость! Ну да ладно, что это я разговорился, словно на предвыборном митинге. Как у тебя идут дела, какие проблемы?

– Да пока ничего, тьфу-тьфу, – Соколовский постучал по столу, – с нашей жизнью поневоле станешь суеверным. Вроде пока всё получается, бизнес развивается – всё путём. Я тут задумал прикупить спиртзавод, а то, понимаешь, торгую привозной водкой, а ведь можно и самим её делать. Областной казне опять же будет прибыль от налогов.

– А что, назначили торги?

– Да, муниципалы – городское управление подготовило к продаже этот завод, ну ты знаешь, он в Сельмашевском посёлке. А Фонд имущества через две недели проведёт конкурс.

– Значит, будешь участвовать?

– Конечно, буду.

– Удачи тебе, Аркадий! – Медведев налил по рюмке армянского коньяка, и они выпили.

– А что бандиты, «братки», не достают? – спросил вдруг губернатор. – А то жалуются мне некоторые бизнесмены на криминальный беспредел, который мой предшественник не замечал. А может, и замечал, да закрывал глаза, имел свой интерес.

– Ничего, – помялся Соколовский, не зная, что можно рассказывать Медведеву и надо ли рассказывать вообще, – мы находим общий язык.

– Значит, у тебя есть «крыша»?

– Да зачем тебе это, Лёш? Ты же знаешь, что в наше время без «крыши» шагу ступить нельзя. Что говорить обо мне. Возьми Москву. Все крупные фирмы, заводы, банки – все под бандитами. Говорухин недавно снял фильм «Великая криминальная революция». Смотрел?

– Нет, не успел. А когда его показывали, по какой программе?

Соколовский иронично усмехнулся.

– Жди! Разбежались они показывать фильм сами про себя. Телевидение тоже под криминалом, вместе распиливают бабки от рекламы. Вот так и живём, живём, как можем. Впрочем, я думаю, большинство уже привыкло, даже находит такое положение удобным. По крайней мере, ты знаешь, что к тебе по пустякам всякая шпана не будет приставать, а если кто начнёт права качать, сразу вызываешь «крышу» – и всё, проблемы улажены.

– А милиция, она почему не оказывает помощь? Знаешь, я недавно летал в Китай, там бизнесмены чувствуют себя спокойно, практически никакого рэкета нет.

– Так у них могут и того, голову отрубить за воровство, это же Азия. Мы – европейцы, у нас правосудие должно быть гуманным. И потом опять же, чья революция совершилась? Революция криминала, он пришёл к власти. Посмотри вокруг, музыка в транспорте почти вся блатная. В магазине дисков среди бардов одни бывшие зеки. Самое главное, раньше блатные сидели где?

– Как где? В тюрьме.

– Вот-вот, за окнами с решётками и стальными дверьми с засовами. А теперь это в каждой квартире. Потому что в 1991 году они вышли на свободу, а мы все сели вместо них. И продолжаем сидеть. Такая петрушка!

– Ну, ты, по-моему, сгустил краски! – Медведев в сомнении покачал головой.

– Ничего, побудешь во власти, насмотришься, потом мы с тобой продолжим этот разговор.

Из динамика селектора послышался голос секретаря:

– Алексей Иванович, полномочный представитель президента просит вас в одиннадцать на совещание.

– А что за вопрос?

– Обсуждение хода приватизации федеральных объектов в области.

– Хорошо, буду!

Медведев незлобно поругался.

– Чёрт, совсем времени нет, а тут ещё тратить его на пустопорожнюю болтовню! Тем более слушать Дергачёва, который говорит не лучше Черномырдина.

– Что, не ладишь с ним?

– Да, отношения у нас, прямо скажу, не очень. Он хотел видеть в этом кресле своего человека, а я, Аркадий, получается, перешёл дорогу. Вот оттого у нас с ним постоянные стычки. Ты же меня знаешь, я спуску не дам – кто на меня нападёт, получит адекватный ответ.

– Смотри, Лёша, настроит он на тебя клязу в Кремль, приедет комиссия, могут отстранить от власти.

– Руки коротки. А насчёт клязу? Он только этим и занимается. Сам строчит, и весь его аппарат занят этой работой. Мне уже ребята из Администрации президента звонили, удивляются такому графоманству. Ну, давай, как говорится, на дорожку, да буду готовиться к совещанию. Надо цифры посмотреть.

– Слушай, Алексей, – Соколовский искоса глянул на своего приятеля, – ежели что, помочь мне чем-нибудь сможешь? Я имею в виду конкурс. Там, насколько известно, серьёзных соперников нет, но в последнюю минуту выскочит какой-нибудь инкогнито из Петербурга, и кранты.

– А какая тебе помощь нужна? Думаю, ты сам со всеми справишься, вишь какой молодец! – Медведев дружески похлопал Соколовского по плечу. – Я вообще-то не люблю вмешиваться в эти дела, могут пойти слухи, что губернатор кому-то помогает, – лишний козырь у Дергачёва. Но тебе, Аркаша, помогу, чем смогу. Только учти, в рамках закона!

– Конечно, конечно! – пробормотал Соколовский, – я в долгу не останусь.

Медведев поморщился.

– Нет, никаких благодарностей, конвертов и кейсов. Я старых друзей не забываю. Для меня деньги – ничто, люди – всё. Так, кажется, говаривал светлейший князь Потёмкин.

Уральск, кабинет председателя Комитета по управлению имуществом Уральской области Плотникова М. Я., 10 мая, 11.30

Через несколько дней после совещания у полномочного представителя Президента РФ председатель областного Комитета по управлению имуществом собрал своё, сугубо ведомственное совещание или, как любили говорить бывшие работники обкома партии, «аппаратное».

Совещание проводилось в узком составе. Присутствовало несколько председателей муниципальных и районных комитетов, поскольку им были делегированы права временного управления федеральным имуществом, и заместитель областного Фонда имущества Красовская Екатерина Евгеньевна.

Председатель областного Комитета по управлению имуществом Плотников принадлежал к бывшей комсомольско-партийной номенклатуре. Михаил Яковлевич к сорока пяти годам успел отрастить чиновничье брюшко и обрести лицо человека крепко выпивающего, с крупными морщинами на лбу, обвислыми щеками.

Он довольно долго разбирал причины медленной подготовки объектов к приватизации, кричал на нерадивых, делал замечания, ставил на вид, короче говоря, был в полном упоении от возможности саморазрядиться, которую изредка представляет скучный процесс бюрократической работы.

Иногда он поглядывал на Красовскую, формально не подчинявшуюся ему, но любившую бывать на таких совещаниях.

Плотникова с Красовской связывали непростые отношения – они были любовниками, причём инициатором здесь выступила сама Красовская. Она соблазнила его в этом же кабинете, где проходило совещание, и отдалась прямо на рабочем столе посреди бумаг и планов приватизации, подписанных самим Чубайсом.

Тогда, в самый момент интима, застигнутый врасплох Плотников не смог сразу переключить всё своё внимание на лежащую перед ним женщину. Он продолжал громко высказывать свои мысли о том, как лучше провести приватизацию крупных заводов Уралья, а Красовская только твердила: «Да, да, да!» тонким, высоким голосом, который становился у неё во время секса с мужчинами.

Скучавшая в приёмной секретарша не смогла ничего такого заподозрить, поскольку всё время слышала отчётливый голос шефа, будто диктовавший кому-то тезисы к выступлению на очередном производственном собрании.

Закончив совещание, Плотников отпустил подчинённых и попросил Красовскую остаться.

– Ну что, Катюш, пойдем в комнату отдыха? – ласково попросил он, когда все вышли.

Красовская невольно кинула взгляд за спину председателя, где в отделанной полированным деревом стене едва виднелась дверь в кабинет, предназначенный для отдыха руководителя после утомительной работы. Там стояли кожаный диван с креслами, телевизор, в шкафу имелись чайный сервиз и хрустальные рюмки. Холодильник всегда был наполнен набором жаждоутоляющих напитков: минеральной водой, коньяком и водкой.

– погоди, Миша, – Красовская не торопилась устраиваться на кожаном диване, – с этим успеется. У нас недавно проводился конкурс по продаже трёх магазинов. Представляешь, вскрываю один из конвертов с предложением участника, и, думаешь, что нахожу?

– Доллары? – брови Плотникова прыгнули вверх.

– Какие доллары? Вскрываю конверт, достаю бумагу, а там фига нарисована.

– То есть как фига? Кукиш, что ли?

– Какой-то юморист вместо того, чтобы предложить свою цену, нарисовал нам фигу, мол, не дождётесь. Представляешь? – Красовская изобразила возмущение, хотя на самом деле ей было смешно, и она с удовольствием рассказывала всем знакомым об этом случае как о курьёзе.

Плотников нахмурился.

– Провокация! Недобитые красные хотят дискредитировать идею приватизации, об этом Анатолий Борисович ещё в прошлом году говорил. Но мы не позволим! Ты милицию вызвала? Надо провести следствие, проверить по бумагам, кто подавал заявку. А потом этих деятелей хорошенько прижать, чтобы другим неповадно было.

Плотников коротко и энергично выругался матом.

– Ты думаешь, мы не посмотрели, от кого поступила заявка? – хмыкнула Красовская. – Сделали в первую очередь! Фирму никто не знает, хозяин неизвестен.

– Да, но деньги же заплатили за участие в конкурсе? Разве не жалко выкидывать их на ветер?

– Ты будешь смеяться, но произошла техническая ошибка. Как мы уточнили, он денег не вносил, но был допущен.

Плотников задумался.

– Странный случай. Надо, пожалуй, подключить наш отдел безопасности, чтобы всё как следует проверили. Думаю, здесь не обошлось без помощи со стороны твоих сотрудников. Я договарюсь с председателем фонда, чтобы он разрешил моим людям поработать. Милицию вы не вызывали?

– Нет!

– Пожалуй, правильно сделали. По городу сразу пойдут слухи, насмешки, докатится ещё до полномочного представителя президента.

– Может, в ФСК сообщить? – спросила Красовская, чтобы показать свою озабоченность. Михаил Яковлевич недовольно посмотрел на неё, поморщился.

– Московское начальство их не любит, – многозначительно пояснил он. – Когда создавали отделы безопасности в структурах Госкомимущества, то чекисты хотели прикомандировать своих сотрудников. Анатолий Борисович выступил резко против, и теперь мы сами себе хозяева, без ненужных соглядатаев. Хотя меня они всё же обхаживают.

– В каком смысле? Хотят вытащить информацию или, как сейчас пишут, сделать агентом?

– Ты, Катюшка, начиталась всякого литературного мусора. Нет, хотят пристроить у меня своего человека, но я сопротивляюсь. С другой стороны, может, лучше согласиться? Всё-таки стукач будет на виду, под моим присмотром, а то вычислять, кто именно закладывает, дело непростое, хлопотное. Однако заболтался я с тобой. Пойдём, что ли?

– Подожди ещё немного. Хотела с тобой посоветоваться. У нас скоро новый конкурс, на продажу выставлен спиртзавод.

– Знаю, в Сельмашевском посёлке. И что?

– На него есть хороший покупатель...

– Погоди, погоди!

Плотников сделал знак Красовской и отвел её в дальний угол большого кабинета, где стояло два стула, а между ними столик с графином воды и двумя стаканами. Там они сели, и дальше разговор продолжился вполголоса.

Уральск, территория Центрального городского парка, 19 мая, 15.25

– Граждане, господа, товарищи, куплю чеки за хорошую цену!

Молодой парень в потёртых джинсах и спортивной куртке стоял возле киоска с детскими игрушками и курил. Иногда он отрывался от своего занятия, и тогда проходившие по дорожкам городского парка люди слышали его хриловатый от долгого курения голос:

– Куплю чеки, куплю чеки!

Потом парень снова затягивался сигаретой, изредка поправляя висевшую на груди картонную табличку с надписью чёрным фломастером: «Куплю приватизационные чеки (ваучеры). Дорого». На лице его была написана скука.

Во второй половине мая уже было довольно тепло. Холод наконец отпустил, и народ скинул тяжёлые куртки и кепки, тёплые шарфы и береты. На деревьях городского парка только-только распустились маленькие ярко-зелёные листики, ещё не успевшие покрыться уличной пылью.

Молодой скупщик чеков, не прекращая своего занятия, невзначай поглядывал на стоявших в разных местах парка таких же, как он, менял. Впрочем, эти люди не только обменивали чеки на деньги. Они меняли рубли на доллары, скупали золото и золотые часы.

Милицейские наряды, которые иногда заглядывали в парк, не обращали на скупщиков никакого внимания: за всё было уплачено, место куплено, общественный порядок никто не нарушал. Милиционеры чинно, по двое, прогуливались по дорожкам, иногда поигрывая чёрными дубинками, болтавшимися на поясе.

Рядом со скупщиками чеков на скамейке пристроил аппаратуру скрипач – молодой мужчина, смуглый, как цыган, в расшитой красными нитями белой рубаше и надетой поверх кожаной жилетке. Он играл на скрипке известные мелодии, играл неплохо, и люди останавливались послушать, вставали полукругом. Некоторые бросали в картуз, положенный на скамейку, блестящие на солнце монеты. А кто-то клал и бумажные рубли.

Звуки скрипки, усиленные двумя динамиками, плыли над городским парком, придавая своеобразный колорит солнечному весеннему дню.

В стоявшем рядом с дорожками киоске торговали жареными сосисками и пивом. Управляющий чековым инвестиционным фондом «Согласие», в обиходе называемом просто ЧИФ, Геннадий Бондаренко – человек среднего возраста, моложавый, но с преждевременно начавшей лысеть головой, купил себе небольшую булочку. В ней оказалась подогретая и залитая кетчупом аппетитно пахнущая сосиска.

Он оглянулся по сторонам в поисках свободного места. На одной из голубых скамеек, стоявшей возле молодого деревца, оказалось одно с краю, остальные были заняты разной публикой: молодыми парами, скучающими пенсионерами, мамашами с детскими колясками, студентами.

Бондаренко направился было туда, однако, не дойдя до скамейки, увидел худощавого человека в спортивном тёмно-синем костюме и потёртой коричневой куртке. Этот человек лениво облокотился на высокий столик у пивного ларька и с безразличным видом созерцал текущую мимо праздную толпу. Перед ним стояли полупустая бутылка пива и пластиковый стаканчик.

Человека, которого заметил управляющий, звали Толян Беспалый. Он был здесь смотрящим за скупщиками ваучеров, и, насколько было известно Бондаренко, за ним стояли конкретные люди из криминального мира, принадлежавшие к одной из бандитских группировок.

Впрочем, Бондаренко было на это наплевать, он договорился с Беспалым, пообещал нормально платить за скупленные его людьми чеки.

– Салют, директор! – весело поздоровался Беспалый, обнажая в улыбке пару золотых коронок на зубах, – гребни сюда!

Бондаренко медленно пошёл к ларьку, на ходу жадно кусая булку. Ему отчего-то ужасно захотелось пить, словно фиксатый Толик Беспалый беспричинно вызывал внутренний жар.

– Пивка не хочешь? – Беспалый протянул бутылку пива, из которой уже отпил половину.

– Нет, спасибо, не хочется! – с трудом ответил Бондаренко, у которого пересохло в горле.

– Ну, смотри! Слушай сюда, чеки мои ребята собрали. Много чеков!

– Много – это сколько?

– Вагон и маленькая тележка. Так, несколько пачек. Где будешь брать? Хочешь, зайдём в ларёк?

– Ты с ума сошёл! – испугался Геннадий. – Ещё увидит кто, а мне криминал не нужен. Отправишь завтра в фонд своего человека, там спокойно рассчитаемся. Учти, это не разовая акция. Мне чеки нужны, и чем больше, тем лучше. К тому же времени осталось совсем ничего, с первого июля Чубайс прикрывает лавочку.

– Да всё ништяк, в натуре! Я эту тему знаю. Бабки те же – 25 баксов за чек?

– Да, как и договаривались.

Беспалый оглянулся и, заметив молодого парня, скупающего чеки неподалёку, махнул тому рукой. Парень торопливо подошёл.

– Чё надо, Беспалый? – развязно спросил он.

– Чё-чё, через плечо! Чёкалку заткни! Вот, Витёк, – представил парня Беспалый, небрежно похлопав упитанного скупщика по плечу, – он к тебе завтра подкатит.

Мордатый парнишка нетерпеливо переминался с ноги на ногу, торопясь вернуться к привычному делу. Бондаренко запомнил его наговатую физиономию, бегающие небольшие глазки на толстом лице.

– Витек так Витек! – покладисто согласился он. – Знает куда идти?

– Найдёт, – невозмутимо заметил Толян, – он пацан толковый.

Бондаренко обеспокоенно взглянул на часы – предстояло ещё несколько деловых встреч и в первую очередь беседа с Плотниковым.

Причина для этой встречи была крайне важной. Все знали, что пристроить ваучеры можно только до первого июля, дальше они приниматься не будут, однако Плотников недавно обмолвился, что остаётся ещё много не пристроенных ваучеров, которые правительство должно разрешить использовать для поддержки «малоимущих слоев населения».

Нераспределённые чеки – это приличный кусок, хороший довесок к тем скопившимся ваучерам, которые будут пущены в дело им, Геной Бондаренко. Неплохо было бы добиться, чтобы Плотников через областную администрацию пролоббировал интересы его фонда, продал нужное для всех решение. Ведь сам он, Плотников, в обиде не останется.

Бондаренко с умом использовал неучтённые чеки, полученные от скупщиков не только в Уральске, но и в других городах области. Часть ваучеров населения, причём меньшую, он запускал для официальной покупки акций любых предприятий, неважно каких, прибыльных или убыточных. А потом через СМИ сообщалось, что чеки пошли на нужное дело, и скоро, очень скоро все будут получать дивиденды. Заживут хорошо и счастливо, как рантье на Западе.

А другую часть он использовал втихую для приобретения акций прибыльных предприятий и компаний. Таких, например, как «Газпром» или РАО «ЕЭС». Эти сделки нигде не афишировались, не светились, и собственниками по ним становился только узкий круг людей, в основном чиновники, плотно работавшие с Геннадием. Ну, и себя, естественно, Бондаренко не обижал.

Его мысли перебил Беспалый.

– Слышь, директор, с тобой тут люди хотят встретиться, перетереть.

– Что за люди, мне вообще-то некогда, – недовольно бросил Бондаренко, – у меня каждый час расписан.

– Есть уважаемые люди, – Беспалый снова ухмыльнулся. – Матвей, например. Слышал про такого?

Бондаренко, конечно, слышал имя этого бандита, одного из самых авторитетных в городе. Ссориться с ним не стоило, совершенно не стоило.

– А что ему надо? Я ведь не волоку в ваших делах.

– Он сам тебе растолкует, – Толик сделал многозначительную паузу, – то, что посчитает нужным. Да не мандражируй, всё путём! Матвей человек справедливый, почём зря никого не мочит, и пацаны его уважают. Так что, лады? Забьём стрелку?

– Хорошо! Позвони мне в офис, я назначу время, – в замешательстве ответил Бондаренко, и его рука невольно потянулась к голове. Он провёл ею по лбу, по большим залысинам, точно умывая разгорячённый лоб холодной водой.

Беспалый хитро ухмыльнулся.

– Директор, это я позвоню и скажу, когда тебе будет назначено.

Пожав плечами, Геннадий не стал комментировать высказывание бандита. Он торопливо пошёл по дорожке на выход из парка, чувствуя спиной на себе взгляд Беспалого. А тот, допивая пиво, оценивающе поглядывал вслед управляющему ЧИФом.

Уральск, Зал администрации Уральской области, конкурс по продаже объектов недвижимости, 25 мая, 10.00

Аркадий Соколовский подъехал к зданию администрации области на праворульной «тойоте», которую недавно приобрёл в Новосибирске на авторынке. Машина была уже не новой, модель устарела, но Аркадий не спешил приобретать новую, более представительную, как говорили с недавнего времени, «навороченную».

Он любил повторять фразу, в своё время вычитанную в какой-то книге по бизнесу: «Деньги любят тишину». Смысл этой фразы он для себя определил в одном несложном правиле, которое гласило: «Не стоит привлекать внимание к своим капиталам». Он даже перефразировал Пастернака, знаменитую строчку его стихотворения, которая зазвучала в интерпретации Аркадия так: «Быть буржуазным некрасиво, не это поднимает ввысь».

Ходить в потёртых джинсах и простом пиджаке, носить на руке недорогие часы, ничем особым не выделяться – вот было его кредо. Он не хотел ничем выделяться здесь, в России, но в поездках за границу мог себе позволить всё, что пожелает душа. Там он не оглядывался за спину, не опасался, что кто-то может похлопать по плечу и сказать: «Слышь, чувак, пора делиться баблом!» И неважно, кто это будет – менты или братки. Для него они были две стороны одной медали, которая называлась «коррупцированная Россия».

Выйдя из машины и здороваясь с многочисленными знакомыми, попадавшимися в коридорах административного здания, Соколовский неторопливо, как подобает важному бизнесмену, отправился в зал, где должен был проводиться аукцион.

Он всегда удивлялся разнообразной суетливой деловитости, царящей в администрациях всех уровней. Множество служивых людей, бюрократов, рядовых сотрудников всячески изображали непрерывный процесс государственного управления, по большей части не вникая и не занимаясь своим непосредственным делом. Каждый раз при виде них у Соколовского возникало странное ощущение, будто у всех чиновников извлекли блок с заложённой программой и вместо него вставили демоверсию. Если заплатишь, программа заработает, если нет, будешь пользоваться демоверсией.

В малом зале администрации, в котором обычно областной Фонд имущества проводил конкурсы и аукционы, уже начал собираться народ, разнообразные участники, сотрудники фонда, просто любопытные.

Зал был небольшой. Кресла цвета слоновой кости, которые некогда, в советские времена, смотрелись нарядно и солидно, были уже потёрты в некоторых местах, отбита краска, красные дорожки на полу протёрлись. Впрочем, участников было немного, поэтому никто в должной степени не оценил этот закат советского «ампира».

Как стало известно Соколовскому, всего приняло участие в закрытом аукционе пять претендентов, включая его самого. Из них Соколовский знал трёх предпринимателей, составлявших ему конкуренцию в бизнесе и, вполне естественно, выразивших желание участвовать в мероприятии, проводимом областными чиновниками.

Четвёртый участник аукциона был совершенно неизвестен Аркадию. Какая-то фирма «Омега Групп», фамилии директора и учредителей ни о чём не говорили. Все они были из небольшого районного центра Краснокаменска, который в последнее время приобрёл широкую известность в области своими криминальными разборками. Но эти люди, представители «Омега Групп», вроде были непричастны к криминалу. Во всяком случае, никто не мог связать их фамилии с лидерами крупных преступных группировок. Не было таких сведений и у Соколовского.

Он прошёл в первые ряды, поздоровался со знакомыми бизнесменами-конкурентами.

Один из них, Юрий Геннадьевич Веселов, мужчина небольшого роста, с бритой лысой головой и подвижным лицом, небрежно развалился, положив руку на спинку соседнего кресла,

где сидела его секретарь. Казалось, он обнимает молодую девушку и что-то интимно ей шепчет. Он приветливо махнул рукой Соколовскому и тут же утерял к нему интерес.

Два других конкурента – мелкие предприниматели, недавно разбогатевшие на операциях с приватизационными чеками, – не интересовали Соколовского.

Гораздо большее любопытство вызывали молодые люди из «Омеги». Их было двое. Оба парня сидели в строгих двубортных костюмах, белых рубашках и ярких, дорогих галстуках. Один, который был ближе к краю, положил на соседнее кресло чёрную кожаную папку и сверху небольшой пейджер. Увидев Соколовского, молодой человек вежливо поздоровался:

– Добрый день, Аркадий Львович!

Аркадий Львович удивлённо кивнул в ответ незнакомцу и, отыскав удобное место, неторопливо опустился в кресло.

За столом президиума уже появились сотрудники Фонда имущества.

Мужчина с молодым лицом и уже седыми висками раскладывал бумаги на столе. Рядом с ним яркая блондинка невысокого роста в деловом костюме извлекала из картонной папки бланки протоколов, в которые должны быть записаны результаты тендера. Аркадий знал, что девушка – это начальник отдела в фонде Ирэна Истомина, фактически правая рука Екатерины Красовской.

Несмотря на приближающееся тридцатилетие, она была ещё не замужем и многие мужчины, в том числе Соколовский, подавая заявки на участие в конкурсе или аукционе, всегда осыпали её комплиментами, дарили конфеты и шоколадки. Аркадий даже приглашал её в ресторан, но Истомина отказалась, сославшись на занятость.

Ждали Красовскую. Она где-то задерживалась, и в зале раздавался нестройный гул голов. Молодые незнакомцы – участники аукциона, на которых искоса поглядывал Соколовский, негромко переговаривались друг с другом, вели себя абсолютно спокойно и, казалось, не обращали внимания на окружающих. Такая самоуверенность выглядела подозрительно нагло, отчего у Соколовского возникло стойкое ощущение, что их показное спокойствие основано на чём-то таком, что ему неизвестно. Например, на знании ещё не объявленных результатов аукциона. Эти молодчики, по ходу, знали, а он нет!

Соколовский ещё раз поглядел на молодых людей, вальяжно расположившихся в креслах. Словно почувствовав его взгляд, сидевший с краю, тот, что поздоровался с Соколовским, повернул голову и глянул на Аркадия. Глаза представителя «Омеги» смотрели настороженно, с вызовом, но это было лишь мгновение, потом он, словно вспомнив о чём-то, приятно улыбнулся и сообщил:

– Аркадий Львович, мы незнакомы. Вот моя визитка!

«Денис Белоглазов. Начальник юридического отдела компании «Омега Групп», – прочитал Соколовский. Адрес, телефон – всё зарегистрировано в г. Уральске.

– А кто учредитель? – полюбопытствовал он, наперёд зная, что юрист не ответит на вопрос.

– Это физические лица, – всё так же небрежно улыбаясь, пояснил Белоглазов, – их фамилии вам вряд ли что-то скажут. Они не из Уральска.

Кивнув головой, Соколовский показал, что принял информацию к сведению, и посмотрел в президиум. В это время открылась боковая дверь, энергично шагая, в зал вошла Красовская. Она немного нервно, напряжённо оглядела зал, поздоровалась с несколькими знакомыми и особо внимательно посмотрела на представителей «Омега Групп». От Соколовского не укрылось её внимание.

– Так! – произнесла Красовская, поправляя причёску. – Я извиняюсь за опоздание, была на совещании у полномочного представителя президента. Господа, начнём проведение закрытого аукциона. Ирэна Владимировна, – обратилась она к своей помощнице, – где все документы?

– Возьмите, Екатерина Евгеньевна, – Истомина передала несколько бумаг и конвертов.

– Я думаю, – продолжила уверенным тоном Красовская, – что процедура проведения закрытого аукциона всем известна, она чётко прописана во временных правилах, и не стоит тратить время на её озвучивание. Все согласны?

Люди в зале промолчали, показав тем самым, что изучать порядок проведения аукционов им действительно не хотелось.

Красовская надела очки, отчего её красивое лицо сделалось похожим на лицо преподавателя института, имеющего учёную степень. Оно приобрело строгость, отчасти торжественность.

– Итак, – звучно произнесла Красовская, – проводится закрытый тендер по продаже спиртового завода, о котором, в соответствии с законом, было объявлено заранее, за три недели, в областных средствах массовой информации.

Она назвала параметры продажи, давно известные всем сидящим в зале, огласила список пожелавших участвовать. Наконец, приступила к вскрытию опечатанных конвертов.

– Посмотрим, – заметила она, аккуратно отрезая ножницами краешек первого конверта, – что нам предложит первый участник... господин Юрий Геннадьевич Веселов. Предложил за приобретение завода 30 миллионов рублей. Ирэна Владимировна, занесите результаты в протокол.

Листок с предложением Веселова она передала своему сотруднику фонда с седыми висками, скромно сидевшему от неё справа. Затем она вскрыла конверты двух других предпринимателей и озвучила суммы, которые оказались значительно меньше, чем у Веселова.

Соколовский с любопытством ожидал, когда огласят его предложение и предложение «Омега Групп».

– А сейчас предложение Аркадия Львовича, – огласила, чуть улыбнувшись, Красовская и взяла следующий конверт. – Итак, господин Соколовский предложил сорок один миллион рублей. Ставки растут, ставки растут! И последнее предложение. Товарищество с ограниченной ответственностью «Омега Групп» нам предлагает... – она выдержала паузу, интригуя поглядывая в зал, зашуршала разворачиваемая бумага, – эта компания нам предлагает сорок два миллиона рублей. Что же, победителем закрытого тендера объявляется «Омега Групп». Представителей компании прошу остаться после торгов, чтобы мы договорились о сроках перечисления всей суммы в бюджет.

Услышав последние слова Красовской, Аркадий Львович ощутил огромное разочарование. Всё это – торги, которые внезапно превратились из конкурса в аукцион, раскованное поведение молодых и напористых ребят из «Омега Групп», показная деловитость Красовской – всё показалось ему невероятно подозрительным. Он не верил, что его неизвестные конкуренты могли так точно угадать сумму, которую он предложил за завод. Его грубо и нагло кинули. Им, конечно, кто-то сообщил. Только кто?

«Кто же меня слил? – озлобленно думал он. – Наверное, Катька воду мутит. Но мы с ней обо всём договорились? Или нет? Предложили больше бабок, вот она и подняла лапки кверху. Только и умеет, что брать бабло да трахаться с Плотниковым!»

С усилием расстегнув внезапно ставший тугим ворот рубашки, Соколовский посмотрел мутным взглядом на Дениса Белоглазова. Тот уверенной походкой подходил вместе со своим спутником к столу, где сидела Красовская.

– Что, Аркаша, пролетел? – довольно хохотнул проходящий мимо Веселов.

– Не говори! – мрачно процедил Соколовский.

– Что это за молодцы, такие лихие? – прищурился Веселов, отчего его толстое лицо сделалось похожим на печёное яблоко, – интересно было бы узнать. А может, ты знаешь? Ну, колись!

– Нет, Юра, пока не знаю. Но узнаю! – бросил он с угрозой в голосе.

– Потом поделишься тайной? Меня разбирает бабское любопытство.

Веселов кивнул на прощанье и пошёл к поджидавшей неподалёку, скучавшей в одиночестве секретарше, а Аркадий посмотрел вслед своему бывшему конкуренту, обдумывая, какие шаги стоило предпринять.

Выйдя в коридор, он подошёл к дежурной, сидевшей за небольшим столиком. Возле неё стоял телефон. Аркадий Львович поднял трубку и набрал номер приёмной Медведева.

– Это Аркадий Львович Соколовский, – представился он, – запишите меня на приём к губернатору.

Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет начальника отделения собственной безопасности подполковника Усольцева Л.П., 27 мая, 09.50

Усольцев в который раз просматривал материалы, связанные с Забелиным и Цыганковым. Материалы наружного наблюдения и прослушивания телефонных переговоров были подшиты в двух разных папках, листы пронумерованы.

Он внимательно изучил каждую букву этих документов, поднял и проверил все связи, о которых упоминали оперработники, установил номера телефонов, по которым они звонили. Однако результата не было. Не с чем было идти к Кислицыну, не о чем докладывать.

Самое большее, в чём можно обвинить сотрудников отдела Шумилова, – это в ведении неслужебных разговоров по телефону, но многие оперативники грешили этим, в том числе и сам Усольцев.

Что-то нужно было найти серьёзное, весомое или закрывать проверку.

Но заканчивать проверку Усольцеву не хотелось. Проверка – это серьёзный шанс прижать хвост полковнику Шумилову, показать этому всезнайке, этому высокомерному субъекту, который так носится со своей порядочностью, его настоящее место. Усольцев задумчиво барабанил пальцами по картонной обложке дела, в котором были подшиты листы с расшифровками телефонных разговоров.

Он снял трубку и вызвал к себе в кабинет капитана Иванова, одного из подчинённых, которого частично посвятил в план проверки.

– Михаил Евгеньевич, – спросил Усольцев, – ты уточнил имущество, принадлежащее Забелину и Цыганкову, что у них есть, так сказать, за душой?

– Ничего особенного, товарищ подполковник, – Иванов заглянул в блокнот, где он делал записи, – оба живут в неприватизированных квартирах. У Забелина есть машина – ВАЗ-2106.

– Новая? – заинтересовался Усольцев.

– Нет, пять лет в эксплуатации. Машина приобретена ещё в советское время по очереди в нашем управлении.

– Что ещё есть?

– У Цыганкова имеется металлический гараж без машины. Крупных покупок в последнее время ими не делалось. По месту жительства оба ведут себя тихо, ничем не выделяются – мы через установщиков негласно опросили соседей и старушек во дворах домов, где проживают объекты.

– Да, ситуация! – нахмурился Усольцев. – Вот начальство, понимаешь, ставит задачи, как в сказке: «Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». А нам выполнять.

– Об этом ещё Мюллер говорил Айсману.

– Любишь «Семнадцать мгновений весны»? – удивился Усольцев, которому в глубине души польстило, что его сравнили с Мюллером.

– Смотрю периодически. В газетах писали, что этот фильм нравился Андропову.

– Да, я тоже читал об этом. Есть соображения, в каком направлении двигаться дальше?

– Может, подвести агентуру? – после минутного раздумья спросил Иванов.

В ответ Усольцев отрицательно покачал головой.

– Это оперативники, а не простые объекты. Вряд ли они будут делиться с посторонними. Если кто-то из них и слил информацию, то самое реальное – установить их связь с бандитами по телефону или при личном контакте.

– Но мы наблюдаем за ними уже несколько дней, и ничего подозрительного.

– Значит, плохо наблюдаете, – раздражённо бросил Усольцев. – Не забывай, Миша, что это опера со стажем. Впрочем, впрочем, мы можем разыграть оперативную комбинацию.

Усольцев заходил по кабинету, заложив руки за спину, поскольку так лучше думалось. Мысль, пришедшая к нему в голову, предполагала организацию действий, которые вполне укладывались в концепцию проверки.

– Ну что, Михаил Евгеньевич, – продолжил он, весело улыбнувшись, – разработка оперативной комбинации за тобой. Подготовишь план, определишься с силами и средствами. Я доложу Кислицыну и особо отмечу твоё участие. Так что, думаю, без поощрения не останешься.

– А в чём заключается замысел комбинации? – озадаченно поинтересовался Иванов, которому показалось, что часть разговора он упустил, задумавшись о чём-то своём.

Усольцев хитро взглянул на него, но ответить не успел. На столе зазвонил телефон прямой связи с Кислицыным.

– Да. Есть! – коротко ответил Усольцев и положил трубку. Посмотрев на Иванова, он сообщил: – К начальству вызывают. Сиди здесь и жди меня, когда вернусь, обсоем наш план – есть у меня, понимаешь, задумка подсунуть нашим операм агентуру из уголовников. Выдать их за, допустим, сбытчиков стволов, торговцев оружием.

– Ну, и что? – не понял Иванов.

– А то. Если они связаны с криминалом, то на этих торгашей будет совершен налёт теми бандами, которым оружие нужно до зарезу. Так мы узнаем, что информация ушла. И сконцентрироваться, я полагаю, надо на Цыганкове, он вероятная наша цель!

– В ваших словах есть логика, – согласился Иванов.

Усольцев подмигнул ему:

– В словах начальства всегда есть логика!

Он взял дела с подшитыми оперативными материалами по Забелину и Цыганкову и удалился на доклад к Кислицыну.

Уральск, кабинет главы администрации Уральской области Медведева А.И., 30 мая, 11.00

Начальник управления ФСК России по Уральской области генерал-майор Алексеев приехал в здание областной администрации по просьбе губернатора к одиннадцати часам дня. С прежним главой администрации области Бузниковым отношения у него не заладились из-за коррупционного скандала, разразившегося благодаря вмешательству Алексеева.

Дело в том, что, по сообщению оперативных источников, ряд областных чиновников вместе с Бузниковым покупали в филиале «Мега-банка» доллары, но не просто покупали, а по индивидуальному курсу, который им лично установила управляющая филиалом госпожа Егорова. Причём подлинники заявлений чиновников на обмен валюты она прятала в личном сейфе, чтобы можно было ими воспользоваться при случае.

Было также известно, что именно она организовала узкому кругу приближённых Бузникова поездку в Австрию и Италию за счёт банка вместе с женами, якобы на банковский семинар.

Генерал видел программу поездки, рассчитанной на три дня. Программа была разнообразной: от слушания лекций об особенностях банковской системы в Австрии до катания на гондолах по ночной Венеции.

Конечно, в свете необузданного передела собственности, многочисленных мошеннических схем, обмана, заказных убийств путешествие чиновного люда за счёт коммерческого банка выглядело довольно безобидно и невинно. Допустим, поехали, чтобы расширить кругозор, получить новые сведения о банковском деле. Так-то оно так! Но со стороны всё это дурно пахло, и этот неприятный запах для обманутого, недовольного населения мог явиться сильным раздражающим фактором.

Губернатор Бузников своевременно узнал о том, что чекисты имеют на него большой зуб, и узнал он это от заместителя Алексеева полковника Кислицына, с которым вместе ездил на охоту.

Тогда начались подковёрные игры. Алексеев поручил оперативникам Шумилова, курировавшим финансово-банковскую систему, достать расписки чиновников областной администрации. В свою очередь, Бузников позвонил Егоровой и потребовал вернуть ему все компрометирующие бумаги. Та пообещала, но прежде созвонилась с полномочным представителем Президента России по Уральской области господином Шарыгиным и рассказала обо всём.

В результате подлинники получил Шарыгин, а в Управление ФСК попали ксерокопии распisosк. Алексеев в связи с этим устроил разнос полковнику Шумилову. В кабинете тогда присутствовал и Кислицын, с деланно безразличным видом что-то рисовавший в своём блокноте.

Однако больше всех, как ни удивительно, пострадал в этой ситуации безвинный Шарыгин. Желавший показать себя активным борцом с коррупцией, поскольку ещё свежи были в памяти митинговые страсти 91-го года, господин Шарыгин собрал документы и полетел в Москву, в Администрацию президента, сделать «слив компромата». Увы, на дворе было другое время, дули другие ветры. Вместо губернатора сняли самого Шарыгина, и представителем президента в Уральске поставили бывшего учителя истории демократа Дергачёва.

Но всё-таки коррупционный скандал сыграл свою роль на выборах. Эта неприглядная история во время избирательной кампании вдруг выплыла наружу в газетах и листовках оппозиции, и население области отказало Бузникову в доверии. Финал хоть и закономерный, но не типичный.

Новый глава области Медведев Алексееву импонировал. Это был достаточно самостоятельный, не зависящий от мнения разных политических сил и пользующийся безусловной поддержкой простого населения человек. Насколько известно Алексееву, Медведев не был замешан в незаконных сделках с недвижимостью, как Бузников, или замаран связями с криминалом.

При появлении в кабинете Алексеева Медведев тяжело поднялся с места, крепко пожал руку генералу, а потом по селектору вызвал секретаря и попросил принести две чашки чая.

Алексеев пригладил седые волосы, сел. Медведев начал разговор сразу, без долгих предисловий.

– Владимир Георгиевич, ваше ведомство отслеживает каким-то образом ход приватизации? Я имею в виду возможное мошенничество, воровство и другие нехорошие вещи... Меня, конечно, в первую очередь интересует наша область. Дело в том, что сейчас выставляются на продажу наши крупные предприятия, заводы, на которых работают люди, много людей, и если мы отдадим их судьбу в руки сомнительных типов, жуликов, то завтра они все окажутся за воротами своих собственных заводов. А эти заводы, созданные руками всего народа, будут просто-напросто распроданы по частям, под склады и офисы. Вы понимаете, какое недовольство и возмущение ждёт нас, если мы не предпримем строгих мер контроля?

– Алексей Иванович, то, что выговорите, совершенно справедливо. Мы пытаемся держать этот процесс под контролем, – ответил Алексеев, выдерживая прямой взгляд губерна-

тора, – но и мы не всеильны, особенно если учесть, что некоторые лица федерального уровня вставляют палки в колёса.

– Вы имеете в виду представителя президента Дергачёва? – Медведев отвел свой взгляд от генерала, машинально перебирая бумаги у себя на столе, – но он вроде далёк от процесса приватизации, так, только общий контроль. Вот Плотников, тот руководит всем этим безобразием как председатель комитета.

– Есть и другие лица, – уклончиво сообщил Алексеев, и губернатор подумал, что генерал ФСК не будет с ним до конца откровенным.

Глава области, конечно, не знал, что несколькими месяцами ранее, где-то в начале февраля, Алексеева вызывали в Москву на аттестационную комиссию, которую, после упразднения Министерства безопасности в декабре 1993 года, создали при Ельцине либеральные демократы. Эти молодые и старые представители либералов, многие из которых стали таковыми после 91-го года, заслушивали бывших генералов МБ и решали, кого оставить служить, а кого уволить по сокращению. Они задавали каверзные вопросы, прощупывали политическое нутро каждого, его лояльность действующей власти, преданность Ельцину. Они упивались этой сиюминутной властью, возможностью вершить судьбу некогда могущественных людей. Людей, ещё недавно вызывавших у них страх и трепет.

После аттестации Алексеев стал предельно осторожен. Какая будет польза для дела, если его снимут с должности из-за доноса наверх очередного местного демократа? Нет, предстояло сбегать не только себя, за себя он не боялся, главным было Управление и люди, работавшие в нём.

Губернатора он понимал, его обеспокоенность за приватизацию, за людей. Медведев, возможно, честный человек, но не до конца постиг аппаратные игры, подковёрные интриги, неожиданные подставы со стороны близких людей.

– Алексей Иванович, – сказал генерал после некоторой паузы, – наша служба стоит на страже интересов личности, общества, государства, и мы сделаем всё, чтобы не допустить нарушений, чтобы кто-то мог выйти за пределы конституционного поля. Такова установка президента и нашего нового директора службы.

В ответ Медведев заметил недовольно:

– Знаете, я не люблю ставшую в последнее время модной эту словесную триаду: личность, общество, государство. Вычлняя эти понятия из общего контекста государственности, мы противопоставляем общество государству, а личность – обществу. В целом, личность противопоставляется государству, словно это не личности, а некие марсиане прилетели и создали нам государство. Это искусственная конструкция, перенятая нами с Запада. Она отдаёт в большей степени анархизмом.

– Простите, Алексей Иванович, – генерал решил не вдаваться в теоретический спор и вернулся к началу разговора, – у вас есть какая-то конкретная информация о нарушениях приватизации?

– До меня дошли сведения о недавнем аукционе по продаже спиртового завода, – Медведев вопросительно посмотрел на генерала. – Вам что-нибудь известно?

– Нет, информации на этот счёт мы не имеем.

– Так вот, закрытый тендер проводила Красовская – заместитель председателя областного Фонда имущества, и некоторым бизнесменам показалось, что она, скажем так, подыграла одному из участников торгов, некоей фирме «Омега Групп». Что за фирма, кто за ней стоит – совершенно неизвестно. Какая-то тёмная лошадка! Они и выиграли тендер. Я думаю, тут имел место сговор, и было бы неплохо, если бы ваша служба это проверила, так сказать, неофициально, как вы умеете.

– Понимаю, – медленно произнёс Алексеев, – но всё-таки точных данных у вас нет?

– Нет! – пожал плечами Медведев, – одни подозрения. Знаете, мне кажется странным, что сумма, предложенная этой компанией, ненамного превышает цену, названную другим бизнесменом – Аркадием Соколовским. Я его давно знаю, и поймите меня правильно, не лоббирую его интересы, но всё же...

– Добро, Алексей Иванович, мы проверим, как проводился последний аукцион, – сообщил генерал. – Если вскрыются нарушения, то будем действовать в правовом поле, законным путём, с возбуждением уголовного дела.

– Конечно, конечно! – согласился Медведев, – я не сторонник прикрывать взяточников, главное – навести порядок.

После этого собеседники заговорили на другие темы. Алексеев сообщил о мероприятиях, проводимых его управлением в сфере обеспечения безопасности, а Медведев рассказал о доставшемся после прежнего губернатора Бузникова упадочном областном хозяйстве.

Чем дольше они разговаривали, тем больше чувствовали безотчётную симпатию друг к другу. Наверное, так проникаются симпатией люди, пережившие общую беду, к примеру, путешественники, плывущие на одном корабле и застигнутые штормом. Они оба были людьми ответственными, болеющими за дело, настоящими мужиками, на которых можно положиться.

По этим или другим причинам, но они понравились друг другу.

– Владимир Георгиевич, – сказал в заключение, улыбнувшись, Медведев, – у меня тут намечается небольшое семейное торжество – день рождения жены. Если вы будете свободны в субботу, то приходите с супругой, посидим в неофициальной, так сказать, обстановке, поговорим.

– Спасибо за приглашение, Алексей Иванович, мы будем! – кивнул головой генерал.

Расстались они вполне довольные друг другом. Алексеев немедленно поехал в управление и, не откладывая, вызвал к себе Кислицына и Шумилова. Губернатор был абсолютно прав, следовало более внимательно отнестись к работе контрразведчиков в сфере приватизации.

Когда оба подчиненных появились в кабинете, Алексеев пригласил их сесть и спросил:

– Вы разговаривали с Плотниковым по поводу прикомандирования нашего офицера к его ведомству? Мне кажется, я уже давно ставил эту задачу.

– Владимир Георгиевич, мы его уговаривали, – ответил Кислицын, – но он упирается, ссылается на Госкомимущество, на Чубайса, что тот не даст разрешения.

– Значит, не так построили беседу, не надавили как следует! Вы ведь знаете, что этот вопрос ему с Москвой не надо согласовывать. Это всё отговорки!

Не откладывая дела в долгий ящик, начальник управления набрал номер.

– Михаил Яковлевич? – уточнил он, когда на другом конце ответили. – Это начальник Управления ФСК Алексеев. Я звоню вам вот по какому вопросу, мой заместитель уже беседовал с вами насчёт прикомандирования нашего офицера. Да, да, я всё понимаю, но этот человек будет вам большим подспорьем в работе по приватизации хозяйства области. Вы же знаете, сейчас много мошенничества, обмана, расхищения госсредств. Я понимаю, что вы хотите согласовать с Москвой. Хочу предупредить, что Москва против не будет. Почему? – Алексеев сделал паузу. – Есть прямое указание президента на этот счёт. Не думаю, что Анатолий Борисович поступит вопреки воле Ельцина. Давайте к этому вопросу вернёмся через неделю.

Генерал положил трубку и наставительно заметил:

– Вот так надо с ними разговаривать! Возьмите этот вопрос на контроль, Борис Иванович. А вы, – он обратился к Шумилу, – подберите достойного офицера из вашего отдела на эту должность. Должность, насколько я знаю, приравнивается к должности начальника отдела. Кроме того, передайте Забелину, пусть немедленно займётся последним аукционом по продаже спиртового завода. Есть информация, что там дело не чисто.

В эту невзрачную привокзальную столовую Забелин зашёл случайно. Он никогда в ней не был, но прикинув, что в управленческое кафе после встречи с источником «Николаем», безусловно, опоздает, решил пообедать здесь.

Перед входом в столовую стоял большой рекламный щит, на котором известный телеведущий, вальяжно расположившись на диване, обнимал двух блондинистых красоток. В глаза бросалась яркая надпись: «Лицо России».

Сергей смотрел на изображение этих довольных собою людей и думал, что они в какой-то мере сейчас действительно лицо России: богатые, пышущие здоровьем, преуспевающие. Отлично подогнанные костюмы, голливудские улыбки.

Странно только, что плакат оказался возле столовой, которую богачи вряд ли захотят посетить – привокзальные точки общепита не для них, они для простых, бедных людей, которые не могут позволить себе ланч за сто долларов. А такие плакаты, зачем они здесь? Может, для стимула? Чтобы было к чему стремиться? Или для того, чтобы вызвать раздражение?

На столике у входа лежала большая стопка коричневых пластмассовых подносов. Забелин взял один, наспех протёртый тряпкой посудомойки, но всё ещё липкий, хранящий следы пролитого жира.

Он поставил на него тарелку с супом, сваренным непонятно из чего, и порцию пельменей. Пельмени оказались маленькие, скользкие, так что пришлось обильно полить их кетчупом, чтобы убить чувство брезгливости. Но выбирать не приходилось. Ещё утром он пропустил завтрак, выпив по-холостяцки только стакан кофе со сливками, и сейчас чувствовал упадок сил, словно до этого не ел, по крайней мере, целую неделю.

Захватив поднос, Забелин пристроился за свободный столик и принялся неторопливо есть. За соседним столом уселся мужчина в грязном потрёпанном пальто бомжеватого вида, который изредка бросал взгляд на оперативника, словно ожидая от него какой-нибудь подачи. На подносе перед мужчиной лежала только булочка и стоял стакан с чаем.

В ведомственное кафе Сергей опоздал из-за встречи с конфиденциальным источником. Саму встречу он запланировал в одном из номеров гостиницы «Уральск», чьё высокое здание, облицованное белой плиткой, стояло напротив вокзала и отделялось от него широкой привокзальной площадью.

Для встречи с «Николаем» Забелин всегда использовал, по договоренности со своим приятелем – начальником службы безопасности гостиницы, разные гостиничные номера. Это было удобно. Дежурные по этажам, горничные и другой обслуживающий персонал не запоминали их посещений и не сплетничали потом о необычных клиентах: то ли голубых, то ли мафиози. Иногда, правда, беспокоили гостиничные проститутки, которые, видимо, по наводке дежурных звонили в номер и предлагали свои услуги.

Вспомнив о проститутках, Забелин усмехнулся про себя. Однажды в одной из командировок его поселили в номер с таможенником, приехавшим на семинар. Таможенник был откровенным балбесом, пил и гулял круглые сутки. Ещё до подселения Забелина он вызвал проститутку, а после взял у неё квитанцию. На этой квитанции, которую ради любопытства посмотрел Сергей, стояла цена: 50 р. и было написано: «За оказание интимных услуг». На непонятной подписи красовалась синяя печать ТОО «Услада». Таможенник пояснил, что предъявит квитанцию в финансовый отдел для получения компенсации, и Забелин не понял, то ли шутил, то ли серьёзно говорил его нетрезвый сосед.

На очередную встречу агент не явился. Причины могли быть самые разные: срочная работа, задержал шеф или что-то другое. Если встреча не состоялась, то она автоматически переносилась на это же время в другой, заранее оговоренный день.

Сергей не слишком переживал из-за отсутствия источника: в последнее время от «Николая» редко поступала оперативно значимая информация. По-видимому, сказывалась общая атмосфера в стране, созданная либеральными средствами массовой информации, которые не

уставали убеждать, что стукачеством занимаются негодяи и сволочи, в общем, больные люди, изгой общества. «Но ведь агенты, информаторы, как их не называй, – размышлял Сергей, – являются неотъемлемой частью любой спецслужбы: что КГБ, что ЦРУ. Без них мы слепы как котята. Странно, что журналисты всё время так пекутся о безопасности людей, но при этом сами уничтожают основы безопасности».

Ответ, на самом деле, был для него очевиден: большинство газет и телеканалов принадлежало конкретным лицам, связанным с криминалом, а криминалу не надо, чтобы по нему работали.

Забелин вспомнил, как в тревожные дни октября 1993 года, во время разгона Верховного Совета, звонил своему приятелю в одно из сибирских управлений Министерства безопасности, как оно тогда называлось, и тот рассказал занятную историю. Оказывается, приятеля Забелина вызвали на встречу криминальные авторитеты, очень переживавшие по случаю возможной победы «красных». Они хотели договориться, чтобы их не трогали, если к власти придёт Верховный Совет.

– Дядя, оставьте немного супа, – послышался за спиной Забелина тонкий детский голос.

Он обернулся и увидел исхудавшего мальчика лет десяти, который голодными глазами смотрел на него.

– Родители где у тебя? – спросил Сергей, чувствуя, как у него перехватывает горло.

– Мамка пьяная лежит, отца нет, – ответил мальчик, – у меня ещё сестрёнка есть.

Забелину почему-то на ум пришла аналогия с чекистами времён Гражданской войны, когда те занимались беспризорниками. Но тогда была Гражданская война.

– Садись, ешь! – вздохнул он и пододвинул тарелку мальчику, а сам поднялся и купил несколько булочек, ещё теплых, вкусно пахнущих, мягких. Он положил их на стол и сказал:

– Поешь, а это отдай сестре.

Он погладил мальчика по голове и вышел из столовой: есть уже не хотелось. Пронзительно-синие глаза на исхудавшем лице мальчика – вот что запомнилось ему. «Наверное, это сейчас и есть настоящее лицо России, а не глянцевого лица на рекламном плакате», – вдруг подумалось ему.

На поясе запищал пейджер, и, глянув на экран, Забелин понял, что вызывает Шумилов. Он огляделся, увидел несколько уличных телефонов, висящих под большим длинным козырьком, двинулся к ним.

– Николай Поликарпович, ищите?

– Где пропадаешь? – осведомился Шумилов, глухо кашлянув в трубку.

– Хотел встретиться с источником «Николаем» на явочном пункте в гостинице.

– Всё ясно. Давай, возвращайся, дело срочное есть!

– Буду через двадцать минут.

Уральск, бар «Джон Сильвер», 31 мая, 20.30

К бару «Джон Сильвер», расположенному в центре города, поздним вечером подъехала белая вазовская «шестёрка», из которой вышли Цыганков и Забелин. По вечерам на Урале было ещё прохладно, и они надели тяжёлые кожаные куртки, джинсы, на ноги тёплые ботинки.

Вывеска над баром горела красным неоновым светом, внося тревожащий отсвет в сумрак наступающей ночи, окрашивая стоявшую у тротуара белую машину в бледно-розовый цвет. До встречи, на которую они приехали, ещё оставалось время, и Цыганков закурил.

– Серёга, зачем тебя Шумилов вчера искал? – поинтересовался он, пуская струю синего дыма в быстро холодеющую темноту.

– Информацию надо было проверить по одному аукциону. Срочно. Его проводили на той неделе и якобы результаты подтасовали. Но я сразу сказал Шумилову, что такой информации

у меня полно, после каждого аукциона – сигнал на Красовскую. Только зацепить её пока не можем.

– Понятно! А для чего тебя Шумилов отправил со мной? Виккерс не опасна, зачем мне прикрытие?

Цыганков говорил о предстоящей встрече с той самой бизнесвумен, которая подала заявление о вымогательстве в начале мая.

– Так, на всякий случай! – усмехнулся Забелин. – Слышал, как Кислицын разговаривал, когда мы лажанулись с задержанием? Лишние проблемы теперь не нужны. К тому же твоя Рита не такая уж и овечка, помнится, ты говорил, что она связана со «спартаковцами».

– Источник сообщил. Он у меня из воров – псевдоним «Горбушка».

– Сам придумал?

– А то! У него череп лысый, вот я и решил, что такое погоняло будет в самый раз.

Цыганков щёлкнул пальцами, и недокуренный бычок, прочерчивая едва тлеющим огоньком пологую траекторию, скрылся в темноте. Забелин, чувствуя вязкую сырость холодного вечера, сунул руки в карманы куртки и поинтересовался:

– Твой «Горбушка» не сказал часом, почему «спартаковцы» решили прикрываться нами, а не вызывать Матвея на стрелку?

Забелин всерьёз занимал этот вопрос, ему казалось, что здесь скрыта какая-то тайна, специальный умысел, призванный подставить оперативников ФСК.

– Не, не сказал! Бояться, я думаю. За Матвеем длинный шлейф тянется всяких дел, крови много... Маргариты не было в городе пару недель после нашего прокола. Сейчас приехала из Италии, и я сразу вытащил её на встречу.

Глянув на часы, Цыганков сказал:

– Ладно, пора! Короче, ты подойди к бару, возьми коктейль и оставайся там, как Володя Шарапов. А я за столик, так, чтобы контролировать вход, да и тебя будет видно.

– А ты Глеб Жеглов, что ли?

– А что, не похож? – Цыганков подмигнул.

Он ушёл в бар. Его голова с иссиня-чёрными волосами мелькнула несколько раз между столиками, пока он не нашёл свободное место и не пристроился у окна. Цыганков сел лицом к входной двери, как обычно садится любой оперативник, чтобы успеть среагировать в минуту опасности.

Забелин сначала наблюдал за ним через стекло с улицы, потом и сам пошёл следом. Он устроился, как и договаривался с Сашей, на высоком стуле у барной стойки и медленно потягивал фирменный коктейль «Долина Бекаа», обладающий кислотовато-сладким вкусом и запахом каких-то трав, похожих на вермут «Мартини».

Сергей изображал из себя одинокого бездельника, не знающего, чем занять время. Вероятно, для окружающих он и был таким бездельником – странным, подозрительным, скучным. Никто его не интересовал: ни девицы легкого поведения, шляющиеся вокруг, ни мальчишки-геи. Глядя на последних, он с иронией подумал: «Как всё изменилось! К Шарапову геи не приставали».

Заметив, что Забелин отверг все возможности для развлечения на вечер, молоденькая барменша – симпатичная брюнетка с голубыми глазами, начала поглядывать в его сторону. Она, вероятно, представила, что этот молодой человек, по виду бизнесмен, ищет что-то особое.

Увлечшись то ли своими мыслями, то ли наблюдением за окружающими, момент появления Маргариты Виккерс в баре Забелин пропустил. Сам он заявительницу до этого не видел – с ней работали Шумилов и Цыганков, поэтому, когда Цыганков поднялся и галантно предложил стул подошедшей к нему молодой женщине, Сергей понял, что это и есть та самая Маргарита.

У неё был тот переходный возраст, при котором девушку под тридцать уже можно называть молодой женщиной. Лицо в это время теряет шарм беззаботной юности, а его место зани-

мает опыт взрослой жизни с неудачными романами и обманутыми ожиданиями, опыт, накладывающий свой отпечаток на лицо, фигуру, манеру держаться в обществе.

Собеседница Цыганкова была хороша собой, чувствовалось, что она деловита и энергична, умеет решать дела, не теряя лишнего времени.

– Итак, Санек, – сказала Маргарита Виккерс Цыганкову, бросая пачку сигарет на столик и закуривая, – насколько я понимаю, вы облажались. Такая крутая контора, и вся в дерьме. Хорошо ещё в городе никто ничего не знает. Все думают, что я таки заплатила реальные бабки за «крышу». Но уговор-то наш был совсем другим, не правда ли, Саня?

Маргарита выпустила струю дыма и жестом подозвала официанта:

– Дай что-нибудь, что сносно готовят в вашей забегаловке. Только смотри, туфту не неси, выкину со стола, потом будете по полу подбирать!

Цыганкову было неловко оправдываться перед молодой женщиной.

– Случай, Рит, накладка вышла. Такое бывает в нашем деле – планируешь одно, а потом раз, и «листья клена падают с ясеня». Короче, ты права, лажанулись, наша вина!

– Самое главное, вопрос не решён, – разочарованно покачала головой Виккерс, – эти козлы в следующем месяце ко мне снова заявятся. Всё бы ничего, да клиентов распугают своим дебильным видом.

– Рит, а ты знала, что это люди Матвея?

– Не знаю я никакого Матвея. Здесь, в городе, «сельмашевцы» да «спартаковцы» всё поделили, ну есть Ваха с чеченцами. Ещё кто-то пожаловал?

– Есть такой бандит из авторитетных. Недавно с зоны откинулся. Хочет подгрести под себя то, что плохо лежит.

– В таком случае город в ближайшее время получит маленькую войну, – обеспокоено заметила Виккерс, – а нам это совсем ни к чему.

– Риточка, тебя мы в обиду не дадим!

– Ну-ну, – холодно улынулась Виккерс, – уже дали. От вас пользы как от козла молока, надо было к ментам идти.

– Ну, и пошла бы! – обиженно отозвался Цыганков.

– Да, пошла бы, если бы не знала, что меня там могут сдать этим же бандюкам.

Маргарита замолкла. К столику подошёл официант и начал расставлять блюда. Когда он отошёл, бизнесменша продолжила:

– Что теперь? Как в следующий раз будете решать проблему? Честно говоря, давать бабки этим уродам за «крышу» не хочется. Сейчас большие расходы: надо платить за отвод земли, за проекты, составлять смету. Так что думайте, как меня отмазать.

– Что-нибудь придумаем, – ободряюще сообщил Цыганков, принимаясь за еду, – знаешь, может тебе на всякий случай охрану выделить?

– Ты серьёзно? Нет, охрана мне сейчас не нужна. Попробую сама договориться через знакомых.

– Знакомых бандитов, что ли?

– Какая разница, мне по фигу!

Маргарита лениво потыкала вилкой в принесённый мясной салат. Было видно, что есть ей не хочется, что она о чём-то раздумывает. Цыганков в свою очередь решил, что его предложение об охране всё-таки её заинтересовало.

– Нет, охрана мне сейчас не нужна, – словно прочитав его мысли, констатировала Виккерс и игриво добавила: – а если бы я согласилась, кого бы выделили, надеюсь, молодого и симпатичного?

– А я не гожусь? – засмеялся Цыганков. – Мужчина в самом расцвете сил, без вредных привычек. Как говорил Бельмондо в фильме «Чудовище»: «У меня взгляд орла, а тело барса, я им владею в совершенстве».

Маргарита оценивающе на него посмотрела:

– Да вроде ничего. Только ты наверняка женат, хоть и не носишь кольцо на пальце. И потом, у вас там, в конторе, все правильные, положительные, дисциплинированные.

– Скучные, что ли?

– Именно.

– Ну, это ко мне не относится.

– Ты с точностью наоборот?

Цыганков с усмешкой констатировал:

– Тебе палец в рот не клади, оттяпаешь всю руку.

– А мы нынче все такие, выращенные в кооперативной заводи маленькие пираньи капитализма. Не будешь огрызаться – сожрут по ходу и не вспомнят, как звали. Официант, – позвала она, – принеси кофе с коньяком!

Забелин у стойки бара заказал уже четвёртый стакан коктейля. Молодая девушка-бармен, на груди у которой висел бейджик с надписью: «Полина», спросила, подавая коктейль:

– Ещё будете заказывать?

– Если только танец с вами, – пошутил Забелин, решив, что вид флиртующего у стойки бездельника ему подойдёт лучше, чем если он будет всего лишь стоять и глупо пялиться по сторонам, как Шарапов в ресторане из фильма «Место встречи изменить нельзя».

– Я сейчас не могу, – улыбнулась девушка – только после смены.

– Ну, Поля, после смены – это долго, – также улыбнулся в ответ Забелин.

Цыганков между тем попивал свой кофе и внимательно смотрел на Виккерс.

– Значит, Матвея ты не знаешь? – пылливо спросил он, вернувшись к началу разговора.

– Я уже ответила на этот вопрос. Саша, к чему эти повторы? Ты мне не веришь?

Её большие карие глаза смотрели без фальши, абсолютно честно и правдиво, где-то даже с возмущением. Цыганков по опыту общения с женской половиной человечества, и в первую очередь со своей женой, прекрасно знал, что женщины могут великолепно притворяться, значительно лучше, чем мужчины.

– Какие верить? Конечно, верю! – произнёс он, невольно подыгрывая её притворству.

Виккерс, конечно, всё знала. «Наверняка договорилась со «спартаковцами» заранее», – думал Цыганков.

Сам он лично знал некоторых лидеров этой преступной группировки. Два года назад, когда криминальные бригады начали в кровавых разборках делить город, было принято решение поддержать одну из бригад. В ней верховодили «Боец», он же Костя Брагин, и «Дранный» – Лёха Неупокоев. Оперативники хотели их руками уничтожить бандитскую вольницу, а самих если не приручить, то хотя бы сделать предсказуемыми, людьми, с которыми можно договориться.

В эти горячие дни Цыганков несколько раз ходил на встречу то с одним, то с другим бандитским вожаком, получал нужную информацию, а в ответ сообщал о намерениях других группировок. Это помогало руководителям «спартаковцев» принимать верные решения, и дела у них круто пошли в гору. Вскоре мелкие бригады были рассеяны или вошли в состав этой внезапно набиравшей силу ОПГ³. Большая часть Уральска перешла под их контроль.

Потом Цыганкова послали на курсы повышения квалификации в Москву, и уже там он узнал, что «Дранный» был убит автоматной очередью у себя во дворе дома, где проживал. На «Бойца» тоже было совершено покушение – бросили гранату в его автомобиль, но тот выжил. Сразу стало известно, что нападение совершили бандиты из «сельмашевской» группировки, и война вспыхнула с новой силой.

³ ОПГ – организованная преступная группировка.

Много полегло «пехоты» с той и другой стороны, много выросло могил на центральной аллее главного городского кладбища, словно пацаны уехали воевать в «горячую точку» где-нибудь на другой стороне планеты и все полегли за Родину.

Но на самом деле они погибли не в бою за свою страну.

Эти молодые, здоровые парни, которые могли иметь работу, семью, могли прожить свою единственную и прекрасную жизнь, эти молодые ребята были безжалостно вычеркнуты из списка живущих по воле тех грандиозных событий, которые назывались «Великий передел собственности». Точно так же, как были вычеркнуты тысячи их предшественников в 1917 году, из-за тех же самых событий, только тогда они назывались Гражданской войной.

Вернувшись в Уральск, Цыганков, конечно, встретился с «Бойцом», но прежнего желания сотрудничать не нашёл. «Боец» был озлоблен, решил, что его предали, сдали «сельмашевским». Александру стоило больших усилий убедить его, что Управление ФСК тут не при чем, но он чувствовал, что Брагин так до конца не поверил.

Сообразив, что Виккерс могла прийти на встречу не одна, Цыганков осмотрел помещение бара и заметил в углу двух подозрительных типов, бритых наголо, с массивными борцовскими затылками, в чёрных кожаных куртках, из-под которых виднелись спортивные костюмы. Эти типы, как и Забелин у стойки, делали вид, что пили пиво и якобы увлечённо общались друг с другом.

Поймав взгляд Забелина, Цыганков глазами показал на сидящих в углу. Маргарита в это время повернулась к зеркалу, висевшему на стене, напротив столика, и аккуратно поправила причёску.

– Ну, что мне с вами делать? – снова повернулась она к оперработнику. – Договариваться через братков? Или как?

– Рита, мы всё обдумаем, и я тебе сообщу. Торопиться не будем.

– О'кей, Саша, провожать меня не надо.

Когда Маргарита прошла на выход мимо Забелина, на него пахнуло тонким ароматом французских духов. На мгновение они встретились взглядами, как встречаются случайные прохожие, через секунду обычно забывая об увиденном человеке. Впрочем, Забелин пожалел об этом, потому что с объектом наблюдения нельзя встречаться глазами, – таковы неписанные правила слежки, выработанные ещё царскими филёрами и с успехом перенятые в годы революции чекистами.

Минуту спустя к выходу заторопились шкафоподобные молодчики – её охрана. Они быстрым шагом, насколько позволяли их фигуры, вышли из бара, впустив прохладный вечерний воздух в помещение.

Нужно было оправляться следом. Забелин издали махнул Александру на дверь, а барменша Полина огорчённо спросила:

– Уже уходите? – по всему было видно, что Забелин ей понравился.

– Извини, Поля, мы с тобой потанцуем в следующий раз. Лады?

Он спустился с высокого стула у стойки и хотел было пойти к выходу, как внезапно услышал со стороны улицы частые дробные выстрелы. Звуки стрельбы были гулкими, совсем не такими, как из пистолета Макарова. Полина вздрогнула, с удивлением и испугом посмотрела на входную дверь. Она много читала о бандитских разборках, когда в помещения баров и ресторанов врвались вооружённые бандиты и начинали беспорядочную стрельбу.

«Из ТТ⁴ мочат», – подумал Забелин. Цыганков в это время рванул к выходу.

– Вызови милицию! – крикнул Сергей Полине и вслед за Цыганковым стремительно побежал на улицу.

⁴ Пистолет ТТ (Тульский Токарева) – самозарядный пистолет, разработанный в 1930 г. конструктором Токаревым Ф. В.

На ходу они оба выхватили пистолеты, но воспользоваться ими не пришлось. Неподалёку от припаркованного джипа лежало три тела. Два из них – телохранители Веккерс – не подавали признаков жизни. Маргарита была без сознания и тихо стонала. Её кожаное пальто было прострелено в нескольких местах.

– Серёга, давай быстро «скорую». Телефонвбаре, – крикнул Цыганков, приподнимая Маргарите голову, чтобы ей было легче дышать.

Оперативные документы

1. Сводка оперативно-поискового отдела (ОПО)

Секретно

экз. № 1

Инициатор подполковник Усольцев Л.П.

Объект «Высокий» – майор Забелин С.О.

Объект «Смуглый» – капитан Цыганков А.И.

«Наблюдение начато в 20.00 от здания Управления ФСК.

Объекты вышли из здания и зашли во внутренний двор управления, где стоял автомобиль ВАЗ-2107, закреплённый за отделом ЭК. «Смуглый» поменял номера на машине, после чего они с «Высоким» сели в автомобиль и выехали на дорогу.

Дальнейшее наблюдение было продолжено с использованием двух автомашин ОПО.

«Смуглый» и «Высокий» выехали в центр города и остановились неподалёку от бара «Джон Сильвер». В 20.15 «Смуглый» зашёл в указанный бар. В 20.20 в бар зашёл «Высокий».

С 20.35 до 21.20 «Смуглый» встречался в баре с женщиной, одетой в чёрное кожаное пальто, без особых примет. «Высокий» за это время ни с кем не контактировал за исключением девушки-бармена.

В 21.25 женщина, с которой встречался объект «Смуглый», вышла вместе с двумя телохранителями из бара. В это время из переулочка выехал автомобиль ВАЗ-2109 предположительно синего цвета, из которого раздались пистолетные выстрелы. Количество сидящих в машине установить не удалось из-за тонировки стекол. Номер автомобиля разглядеть также не представилось возможным, поскольку он был замазан грязью. Преследование преступников не осуществлялось ввиду уже имеющегося задания. Вместе с тем разведчики наружного наблюдения сообщили милицейским постам о произведённом нападении и направлении движения машины с нападавшими.

В 21.27 объекты наблюдения обнаружили потерпевших и вызвали «скорую помощь».

После того как забрали раненую и тела двух сопровождавших её лиц, объекты сели в автомобиль и вернулись в Управление ФСК.

В 22.00 «Смуглый» и «Высокий» вышли из управления и направились каждый к своему месту жительства, откуда до утра не выходили».

2. Сводка прослушивания телефонных переговоров

Секретно экз. № 1

Инициатор подполковник Усольцев Л.П.

т. 65–87—09 (домашний телефон полковника Шумилова).

Разговор начат в 22.23.

ЗАБЕЛИН. – Товарищ полковник, это майор Забелин.

ШУМИЛОВ. – Что случилось, Сергей?

З. – После встречи с Александром Виккерс была тяжело ранена, её телохранители убиты.

Ш. – Что-нибудь удалось установить? Каковы результаты поиска «по горячим следам», что сообщает милиция?

З. – Поиск результатов не дал. Машину обнаружили на одной из улиц в Сельмашевском посёлке. Отпечатки есть, но чьи – вопрос.

Ш. – Следы вроде ведут к «сельмашевцам»? Но это слишком примитивно – вероятно, сделано для того, чтобы сбить с толку.

З. – Я тоже так думаю. С наибольшей уверенностью можно сказать, что это дело рук Матвея.

Ш. – Что с Виккерс, она выживет?

З. – Думаю, да.

Ш. – Знаешь, её надо охранять. Поезжайте к ней в больницу с Цыганковым и оставайтесь там на ночь. А утром я пришлю вам замену.

З. – Есть, товарищ полковник.

Ш. – Хотя нет, постой! Вы утром будете мне нужны. Я сейчас свяжусь с заместителем начальника ГУВД и попрошу его выделить наряд милиционеров. Пусть посидят у дверей. А вы давайте отдыхать.

З. – Есть!

Разговор закончен в 22.25.

Уральск, металлургический завод, кабинет генерального директора Генералова А.Н., 4 июня, 11.05

– Михаил Яковлевич, смотрите, какой большой завод, – сказал удивлённо управляющий ЧИФ Геннадий Бондаренко, бывший у Плотникова одним из самых доверенных лиц после Красовской.

Они ехали по огромной территории металлургического завода, сделали уже несколько поворотов вдоль длинных цехов из бетонных блоков и всё ещё не доехали до административного корпуса.

– Да, Гена, кусок приличный, – согласился Плотников, которого Бондаренко пригласил на встречу с директором завода Генераловым.

Накануне Бондаренко рассказал Плотникову о желании Генералова купить крупный, а ещё лучше контрольный пакет акций завода. Однако закон не разрешал это делать напрямую менеджменту предприятия. Закон выделял им жалкие пять процентов, а остальное отдавал на откуп непонятно кому.

Для того чтобы получить нужное количество акций, надо было провернуть операцию по обмену их на ваучеры, и сделать это мог человек, получающий приватизационные чеки от населения, то есть он, Геннадий Бондаренко.

Директор завода был деятелем старой закалки. Как и губернатор Медведев, он много раз избирался в руководящие органы областной партийной организации, депутатом всевозможных советов. Его портрет всё время висел на доске почета уважаемых людей области, висел при советской власти, висел и сейчас возле здания областной администрации.

Задумав эту операцию, Генералов заручился поддержкой губернатора области Медведева, объяснив, что такое крупное, почти градообразующее предприятие не следует отдавать в чужие руки, всяким там москвичам и петербуржцам. Они уведут деньги из области, а что ещё хуже, могут ликвидировать завод, распродав по частям. Медведев согласился с доводами директора, и Генералов тогда связался с Бондаренко.

Обо всех деталях этих переговоров Геннадий сообщил Плотникову, и они заранее обговорили долю, которую будет иметь Михаил Яковлевич при осуществлении этой сделки.

Чем был хорош Гена для чиновников, склонных к разного рода махинациям, – умел делиться. Поэтому и вырос от заурядного преподавателя в политехническом институте до управляющего ЧИФом, превратился в незаменимого человека для Плотникова и Красовской. С подачи Плотникова на него уже положили глаз некоторые крупные административные лица федеральных организаций, расположенных в области. Например, полномочный представитель президента Дергачёв подумывал о том, чтобы включить его в свой аппарат, – ловкие люди были нужны и ему.

Административный корпус металлургического завода выглядел обветшавшим: серые стены с кое-где обвалившейся штукатуркой, запылённые окна в старых деревянных рамах. Генералов не хотел тратить деньги на косметический ремонт, пока не станет собственником.

Никем не сопровождаемые, Плотников со своим спутником поднялись на второй этаж и сразу уткнулись в приёмную. Молодая симпатичная секретарша, только увидев вошедших, спросила:

– Вы из Комитета по управлению имуществом? Вас уже ждут, меня Алексей Никандрович предупредил.

Они вошли в просторный кабинет с большими окнами, навстречу поднялся Генералов, подошёл к ним, поздоровался. Генералов – высокий мужчина с властным лицом и голубым ледком в глазах, деловито улыбнулся и показал рукой на кресла.

– Садитесь, господа, так, кажется, сейчас говорят?

– Это неофициальное обращение, – заметил Плотников, – но когда я был в Москве, то заметил, что оно уже широко применяется. Только в армии да милиции осталось старое «товарищи».

– А жаль! – недовольно покачал головой Генералов. – Всё-таки «товарищи» звучит лучше, как-то теплее, ближе. Не зря, если вы знаете историю, в царском правительстве заместители министров назывались «товарищами». А «господа»? Сейчас господ нет, господ всех, к сожалению или к счастью, кончили в Гражданскую.

– Ну почему же? – попытался возразить Плотников. – Есть же ещё потомки дворян, выходцы из благородных сословий.

– Михаил Яковлевич, я вас умоляю! Вот Ельцин – уроженец деревни Бутки, какой он господин? – Генералов иронично приподнял брови. – Не было бы советской власти, он всю жизнь крутил бы хвосты коровам.

– И всё-таки, – вмешался Геннадий, – давайте оставим идеологические споры, мы собрались, чтобы обсудить важную тему, а не убить время.

Он удобно устроился в кресле: молодой, розовощёкий, полнеющий. Его живот, точно надутый шарик, распирает изнутри тугой пиджак, застёгнутый на все пуговицы.

– Согласен! – произнёс с нотками примирения в голосе Генералов. – Вы моё предложение знаете. Я покупаю у вас ваучеры и пускаю их на приобретение контрольного пакета.

– Да, но чековые аукционы уже закончены, – Плотников удивлённо посмотрел на директора блеклыми синими глазами.

– Значит, вы, Михаил Яковлевич, проведёте ещё один, специальный чековый аукцион, закрытый для посторонних, – предложил Генералов, – в порядке исключения.

– Конечно, у нас же остались неиспользованные ваучеры, – поддержал его Бондаренко. – Надо обратиться в администрацию области, региональную думу.

– Здесь надо не в Думу, – отрицательно покачал головой Плотников, – здесь надо писать официальное письмо в Госкомимущество на имя Чубайса.

– Ну, вот и напишите, Михаил Яковлевич, не мне же вас учить, – поощряюще кивнул Генералов. – Только пишите поскорее, время не ждёт. До меня доходят слухи, что некоторые московские бизнесмены желали бы заполучить предприятие. Мне совсем бы не хотелось, чтобы приехал какой-нибудь Каха Бендукидзе с чемоданом ваучеров и купил этот завод, как он купил «Уралмаш» в Свердловске.

– Письмо мы напишем, – успокоил председатель облкомимущества. – Сегодня же дам команду и, кроме того, в Москве пролоббирую ваши интересы, Алексей Никандрович, но на какие средства вы думаете приобрести чеки, это ведь достаточно большая сумма?

Лицо Генералова помрачнело.

– Честно говоря, ещё не думал над этим.

– А взять из кассы завода вы сможете? – предложил Бондаренко. – Возьмёте для единовременной оплаты, а потом рассчитаетесь.

Директор задумчиво потёр виски, потом нехотя объяснил:

– Сейчас заказы упали, приход денег небольшой, едва хватает на зарплату. Какую-то сумму я смогу вытащить, но её вряд ли хватит.

– Алексей Никандрович, – предложил сообразительный Геннадий, – я предлагаю вам взять кредит в банке, допустим, в филиале «Кредо-банка» – там у меня знакомый директор. На эти деньги вы покупаете чеки, потом, когда становитесь собственником, моментально расплачиваетесь с банком.

– Насколько быстро это может произойти? – не понял Генералов. – Я же сказал, сейчас туго с заказами.

– А инфляция, вы про неё забыли? Берёте сейчас триста тысяч рублей, через три месяца будете отдавать тридцать.

– И то верно, – облегчённо засмеялся Генералов сиплым прокуренным голосом. – Как бы нам всё это поскорее устроить? Можете договориться?

– А чего ждать? – Бондаренко потянулся к одному из телефонов, стоящему на столе у директора, набрал номер. – Коля, привет, слушай, я тут тебе хорошего клиента нашёл, заёмщика. Кого? Металлургический завод. Да нет, не парю тебе мозги, ты же меня знаешь. Я разговаривал с генеральным директором, они готовы у тебя взять около миллиона рублей в кредит. Ну, это как сами договоритесь. Слушай, а мне там ничего не перепадёт? Как за что? Я же тебе клиентов подгоняю? Замётано, к тебе подъедут, возможно, сегодня.

Положив трубку, Бондаренко сообщил, улыбаясь:

– Всё устроено, можно хоть сейчас получать деньги.

– Ну что, господа-товарищи, – подытожил довольный Генералов, – скрепим наши договоренности, как говорится, чисто символически, как было принято ещё в советское время?

Не дожидаясь ответа, он нажал кнопку селектора и сказал секретарше:

– Анюта, занеси нам кофе и коньяку.

Уральск, больница скорой медицинской помощи, палата хирургического отделения, 8 июня, 11.45

Выдержав по времени чуть больше недели, Цыганков собрался навестить раненую Маргариту. Ему было не по себе, словно он оказался прямым виновником того, что произошло, словно именно он не уберёт эту молодую женщину, хотя по роду службы и должен был предвидеть опасность.

Сергей его успокаивал, говорил, что такое в нынешнее время происходит постоянно, всего не предусмотреть, но Цыганкова всё равно подспудно мучило чувство вины.

За неделю, прошедшую после покушения, он встречался с источниками, связанными с криминальным миром, однако стоящей информации не получил. Агенты или не знали, кто совершил нападение, или не хотели себя подставлять, поэтому утаивали сведения. Единствен-

ным, кто не боялся говорить начистоту, был Костя «Боец». Встретившись с Александром на нейтральной территории, в одном из баров, который контролировался его группировкой, он был достаточно откровенен.

– Думаешь, не знаю, кто сделал? – спросил Костя, выпивая коньяк и морщась то ли от его вкуса, то ли от своего знания. – Это люди Матвея. Эти суки завалили моих ребят!

– Что теперь? Война? – спросил Цыганков, внимательно разглядывая бандита.

– Нет, с Матвеем бодаться себе дороже. Он может подтянуть «сельмашевских» или чеченов, тогда нам вообще перекроют кислород, даже ваша контора не поможет. У меня пехоты не хватит, чтобы всех завалить. Так что, Саша, жалко пацанов, но воевать из-за них я не буду.

От лечащего врача Цыганков узнал, что Маргарите стало лучше.

– Слушай, Серёга, – обратился Цыганков к Забелину, – пойдем вместе, а то мне одному идти как-то не по себе, такое ощущение, словно я близкий родственник безнадежного больного.

– Не пойму, что тут сложного? Купи цветы, фрукты. У меня видишь сколько работы, – Сергей показал на стопку дел, лежавших на столе в некотором беспорядке. – Мне ещё надо информацию прочитать, наложить резолюции.

– Не превращайся в бюрократа – мы же опера! Потом напишешь всё, что нужно. У тебя в отделении ребята опытные, сами знают, что делать.

– Знать-то знают, – упрямо не соглашался Забелин, – но нас тоже контролируют. Завтра Кислицын соберёт дела и увидит, что я не сделал никаких записей, вызовет на ковёр и устроит торжественную порку, как солдата Швейка. Шумилову достанется в свою очередь за меня. Вот такие пироги!

Посмотрев на расстроенное лицо друга, он всё же сжалился.

– Но на улицу выйти надо, ты прав! Немного развеяться не помешает, а то голова уже перестала соображать. Поехали!

Они купили всё, что покупают в таких случаях, навещая больных, и на оперативной машине в мгновение ока добрались до больницы. Поднявшись на третий этаж, прошли немного по коридору, повернули несколько раз и уткнулись в грузного пожилого человека в милицмейской форме. Тот мирно дремал на стуле возле крайней палаты у окна. Милиционер был явно пенсионного возраста и, вероятно, дослуживал последние дни.

Цыганков не сдержался:

– Они бы ещё вохровца⁵ сюда поставили, мать их!

Забелин потряс милиционера за плечо:

– Товарищ милиционер...

– А? Что? – пожилой охранник открыл глаза и непонимающе уставился на двух стоящих перед ним мужчин.

– Федеральная служба контрразведки, – представился Цыганков, доставая и показывая удостоверение. – Маргарита Виккерс здесь лежит?

– Здесь, здесь, – пробормотал милиционер.

– Нам надо с ней переговорить, а вам спать надо дома, а не на посту. Вы разве не знаете, что она ранена? Может быть повторное покушение.

– Нет, не знал! – испуганно проговорил пожилой милиционер и инстинктивно провёл рукой по поясу, где у него на ремне должна была находиться кобура с пистолетом.

Цыганков невольно проследил взглядом.

– А где оружие? – спросил он. – Сейчас не советские времена, когда можно было ходить с огурцом. Папаша, я вас спрашиваю?

Забелин взял друга за локоть:

⁵ ВОХР – «вооружённая охрана» (на предприятиях и в организациях в советское время).

– Саша, не кипятись. Видишь, ему ничего не сказали. Начальство тупо подставило мужиков, и хорошо хоть без трупов обошлось. Давай навестим Маргариту, а потом сообщим обо всём Шумилкову.

Тихо приоткрыв дверь, они вошли в палату. В просторной белой комнате стояла одна кровать, на которой лежала Маргарита, закутанная одеялом, вокруг неё громоздились капельницы. В углу на небольшом столике лежали фрукты, конфеты, коробки с соком. Виккерс не спала. Она увидела входивших мужчин и узнала Цыганкова.

– Саша, – сказала слабым голосом, – здравствуй!

– Рита, как себя чувствуешь? – Цыганков подошёл ближе к кровати. Он увидел тонкую бескровную руку молодой женщины, лежавшую поверх одеяла, и погладил её, словно успокаивая. Рука Маргариты была холодной.

– Вроде лучше! – тихо произнесла Виккерс. – Я недавно проснулась, врачи уже осмотрели. Говорят, иду на поправку.

– Знаешь, как мне жаль, что всё так случилось, – сказал расстроено Александр, – мы же должны были тебя защищать.

– Чего теперь себя винить, что сделано, то сделано! А у меня совсем нет времени здесь разлёживаться, – не сдержавшись, с досадой произнесла Маргарита.

Потом Виккерс вопросительно посмотрела на Забелина.

– Извини, забыл! – сказал Цыганков. – Мой друг Сергей Забелин. Работает со мной.

– Очень приятно! – Маргарита внимательно разглядывала Сергея.

Едва Цыганков вошёл со своим приятелем, Рита тут же обратила на него внимание. Долговязый серьёзный мужчина показался ей несколько простоватым: слегка вздёрнутый нос, небрежно причёсанные русые волосы, голубые глаза. Такие лица встречаются часто – в толпе их совсем не замечаешь, потому что они ничем не выделяются, как говорится, без особых примет.

Молчание затянулось. Сергей улыбнулся, и улыбка его понравилась Рите.

– Скорее выздоравливайте! – пожелал он и добавил: – Мы вам принесли фрукты и соки, правда, у вас и так всё есть. Ну, ничего, я думаю, лишним не будет.

Он поставил пакет с продуктами на столик, продолжил, как бы извиняясь:

– Вы уж нас простите, но нам пора – дел много!

– Я всё понимаю, – произнесла Маргарита, – вы заходите, как у вас будет время.

Оперативники вышли из палаты, и Цыганков, как было договорено раньше, пошёл звонить Шумилкову, чтобы прислали вооружённую охрану, а Сергей вернулся к сотруднику милиции, стоявшему возле окна.

Он подошёл и глянул вниз сквозь грязное, давно немытое оконное стекло, но ничего подозрительного, кроме нескольких прохожих и машины «скорой помощи», въезжавшей в ворота больницы, не увидел.

Встреча с Виккерс взволновала его, и он не мог понять отчего. Тяжёлое ранение? Слабый, едва различимый голос? Тонкие бессильные руки вдоль одеяла? Нет, всё не то, всё это он видел и раньше, встречал при расследованиях, сталкивался в больницах. А вот беспомощность? Пожалуй!

Беспомощность молодой женщины, связанной с бизнесом, бывшей до того энергичной, преуспевающей, привыкшей крутить всеми, кем захочет, а теперь совершенно бессильной, заставила Забелина внимательно отнестись к ней. Он вдруг ощутил не то привычное отношение, которое обычно испытывал к потерпевшему, к свидетелю по делу или источнику, задействованному в операции, а нечто особенное, личное. Её тонкая белая рука, лежащая поверх одеяла, спутанные каштановые волосы, бледное бескровное лицо и, самое главное, глаза, глаза, говорящие о глубоком душевном одиночестве. Он невольно пожалел её.

Сзади раздался звук торопливых шагов – возвращался Александр.

– Шумилов позвонил в ГУВД, скоро приедет наряд с оружием, – проинформировал он, подходя ближе к Сергею.

Пожилой милиционер, переживавший после слов Цыганкова о возможном нападении, с благодарностью посмотрел на Цыганкова.

– Спасибо, товарищ капитан! – сказал он, слегка покашливая.

– Что, простудились? – участливо спросил Цыганков.

– Тут где-то форточка открыта, ночью задувало, а я куртку не взял, думал, будет тепло.

Сергей тоже почувствовал, что откуда-то тянуло свежим воздухом, который сильно отличался от больничного, пахнувшего лекарствами, старой мебелью и запахами пищи из столовой.

Он пошёл вперёд, повернул за угол коридора, вышел на лестничный пролёт и попал к окну, за которым виднелась пожарная лестница. Одна из створок окна оказалась приоткрытой. Сергей потянул её на себя, она легко без скрипа открылась полностью. С оконных петель стекали потёки свежего масла, словно кто-то специально их смазывал.

Когда он выглянул на улицу, то поначалу на пожарной железной лестнице ничего не заметил, потом, приглядевшись, обнаружил комочки грязи, оставленные чьими-то ботинками. Всё это встревожило Забелина.

Из-за спины раздался голос Александра:

– Серёжа, что там?

– Думаю, кто-то готовился отсюда проникнуть в здание, как раз у палаты Виккерс. Видишь следы смазки?

– Пожалуй! – Цыганков пальцем потрогал масло, а затем ещё понюхал его.

– Да ты полижи, так лучше будет, – усмехнулся Забелин.

– Тебе бы всё шутить, а у нас охраняемое лицо.

– Значит, мы вовремя здесь оказались, – задумчиво произнёс Сергей, – что-то готовилось. Надо будет предупредить милицию.

Они дождались приезда двух собровцев, всё им показали и покинули больницу, выехав в Управление.

Уральск, УФСК России по Уральской области, кабинет полковника Кислицына Б.И., 10 июня, 09.27

Усольцев, которого не покидала мысль о более глубокой проверке Цыганкова, чем та, которую можно осуществить обычными силами и средствами, выбрал момент и решил поделиться с Кислицыным своей задумкой о подставе зеков.

Он застал начальника за чтением утренних газет. Надев очки, отчего лицо Кислицына приняло глубокомысленный вид, полковник задумчиво шелестел листами и пил свой любимый чай с лимоном.

Войдя в кабинет, Усольцев сказал:

– Борис Иванович, у меня есть одна мыслишка, но нужна ваша помощь.

– В чем дело? – Кислицын недовольно оторвался от «Советского спорта».

– Надо провести оперативную комбинацию – подставить Цыганкову агентов из уголовной среды, якобы желающих продать оружие.

– А что это даст?

Усольцев усмехнулся.

– Если Цыганков связан с криминалом, то сольёт информацию какой-нибудь преступной группировке. Те сделают налёт на торговцев, а тут мы их возьмём. Так выявим связь Цыганкова и реализуем дело по ОПТ.

Кислицын задумчиво забарабанил пальцами по столу.

– Смысл есть, смысл есть! – произнёс он. – Хорошо, я подумаю, чем смогу помочь. А насчёт Забелина?

– Честно говоря... Хотел посоветоваться. На него ничего нет, и я подумал... Хотел предложить исключить его из проверки.

– Да... Забелин... На него точно ничего? Вообще?

Усольцев развел руками.

– Вообще!

Полковник встал, прошёлся по кабинету, по пути посмотрев в окно, лицо у него выглядело настороженным.

Забелин был близким другом Цыганкова, и, следовательно, между ними не было тайн. По крайней мере, дружба предполагает именно такие отношения – полная открытость и доверие. Мог ли Забелин с учётом этого не знать о возможной связи Цыганкова с криминалом? Возможно, но маловероятно! Нет! Скорее невозможно!

– Думаю, в отношении Забелина пока рано! – высказал суждение Кислицын твёрдым тоном. – Понаблюдайте ещё! Надо быть до конца уверенными.

После того как Усольцев покинул кабинет Бориса Ивановича, полковник вызвал к себе начальника отдела по борьбе с терроризмом полковника Лукьяненко и приказал выделить человека из отдела в помощь Усольцеву для подбора агентов из уголовной среды.

– Роман Викторович, – сказал он Лукьяненко, – я знаю, что у вас есть агенты из уголовников, сидящие в колонии в Клыкове. Насколько мне известно, сейчас за хорошее поведение зекам могут давать отпуска на несколько суток.

– Честно говоря, не владею информацией.

– А вы узнайте, Роман Викторович, узнайте, пожалуйста! Несколько ваших источников оттуда нам могут понадобиться в ближайшее время.

– Могу я узнать цель использования? – Лукьяненко вопросительно посмотрел на Кислицына.

– Все подробности знает Усольцев, но я прошу вас максимально ограничить круг посвящённых. Пусть это будете вы и кто-то из ваших подчинённых, тот, кто может заполучить источников из колонии. А кто вообще с ними там работает?

– Капитан Куроедов. Он сегодня как раз в Клыкове.

– Вот и хорошо! Как приедет, сообщите Усольцеву, он поставит задачу Куроедову.

Уральск, квартира капитана Цыганкова, 15 июня, 20.30

С самого утра Цыганков испытывал неприятное смутное чувство беспокойства, неуверенности в себе. Это ощущение возникло у него на пустом месте, совершенно безосновательно, но оно не покидало весь день, словно кто-то неотступно следил за ним и давал оценку всем его действиям, правильным и неправильным.

Это было настолько неприятно, что даже в туалете он невольно поглядывал себе за спину. Так недолго было и до паранойи.

Он проанализировал события последних дней и не нашёл ничего, что могло бы вызвать даже тень беспокойства. Беспокоиться было не о чем. Абсолютно! И всё же, всё же... Интуиция подсказывала, что впереди опасность. Он шёл по тонкому льду, как герои-чекисты его любимой книги писателя Брянцева: ошибки, как и тогда, могли стоить дорого, могли стоить ему жизни и жизни близких людей.

Цыганков всегда учитывал, с кем имеет дело. Он курировал линию борьбы с оргпреступностью, имел в этой среде агентов и конфиденциальных источников, с некоторыми из бандитов поддерживал нормальные, даже приятельские отношения. Но он прекрасно знал, что дружбы, привязанности в уголовной среде не бывает. Бывает некое уголовное братство, которым они так гордятся и бравируют и которое зачастую разваливается при первом дележе добычи, не говоря уже о первом допросе у следователя.

Вчера был сложный, напряжённый день. Несколько дней назад Цыганков получил от надёжных источников сведения о поступлении в город крупной партии оружия. Оказалось, в Уральск привезли «ПМ» и автоматы «АК» из Чечни.

Операция была разработана и подготовлена лично Цыганковым.

Под видом покупателей оружия принимавшие участие в операции милиционеры выманили преступников на встречу, которая состоялась на площадке перед продуктовым магазином в одном из районов города. Здание магазина было двухэтажным, окрашенным в ядовитый жёлтый цвет. Рядом находилась довольно большая асфальтированная площадка, на которой всегда парковалось много машин. В день операции она тоже была забита стоявшими вплотную автомобилями.

Санитарный узик с сидевшими внутри оперативниками долго крутился по площадке, пока не приткнулся почти у самого входа в магазин. Окна машины были закрыты плотными брезентовыми шторками, надёжно скрывая спрятавшихся людей от посторонних взглядов. В машине было душно, металлическая крыша нагрелась солнцем и теперь распространяла тепло вглубь салона, превращая пребывание в ней группы захвата в настоящий ад. Как если бы они сидели в полной амуниции в сауне.

Не успели они остановиться, как из дверей магазина вышел плотный охранник в камуфляже с выпирающим животом. В руках у него была милицейская дубинка. Подойдя к машине, он постучал по дверце.

Цыганков, сидевший в кабине с водителем, открыл стекло.

– Чего встали? – злобно, по-хамски спросил охранник. – Валите отсюда!

– А то что? – насмешливо спросил Александр.

– Ты чё, борзой, что ли? Я сказал – валите!

Услышав громкий голос коллеги, из дверей магазина на подмогу вышел второй охранник, чуть выше ростом и худощавее первого. Он неторопливо с неприятной ухмылкой на лице приближался к машине, поигрывая дубинкой.

Устраивать разборки с охраной, привлекать к себе излишнее внимание совсем не входило в планы Цыганкова, тем более что с Шумиловым они такую возможность не проигрывали. Полковник не любил подобных неожиданностей. «Импровизация хороша, когда готовится заранее», – любил говорить он, повторяя чью-то известную фразу.

Открыв дверь и легко выпрыгнув наружу, Цыганков улыбнулся дерзкой улыбкой, отчего оба охранника, словно почувствовав за ним некую могучую силу, приняли насторожено-опасливый вид.

– Мужики, – сказал, продолжая широко улыбаться, Александр, – всё нормально, мы здесь постоим немножко.

Он достал и развернул удостоверение, стараясь не привлекать постороннего внимания. Когда охранники увидели, к какому ведомству принадлежит Цыганков, то они посчитали за лучшее ретироваться без лишних вопросов.

Цыганков заставил себя отвлечься от мыслей об операции, только оказавшись у дверей своей квартиры. Вставляя ключ в замочную скважину, он услышал детский гомон за дверью, шум телевизора. Лишний раз подумал, что надо бы поставить хорошую железную дверь, а то эту можно выбить плечом, не прилагая особых усилий.

У него было двое детей – два мальчика. Жена работала в областной администрации в финансовом управлении. Свою семью он любил, даже несмотря на периодические скандалы, которые устраивала жена, когда он поздно возвращался домой.

Цыганков относился к этому снисходительно, считая ревность не слишком серьёзным поводом для семейных конфликтов. Ревность, как он думал, всего лишь одно из проявлений любви, а если человек любит, то всё прощает.

В прихожей Цыганков разделся, повесив на деревянную вешалку лёгкую ветровку и сняв ботинки.

– Папка пришёл! – закричал самый младший из сыновей Виталик и, вбежав в прихожую, прыгнул ему на шею.

Подхватив маленькое тело сына, Цыганков вошёл в комнату. Старший сын сидел на полу и что-то мастерил из пластилина. Из второй комнаты появилась жена Наташа, хмуро поглядывшая на мужа. Ни слова не говоря, она пошла на кухню. Цыганков недоумевал: вроде сегодня явился домой не поздно, за окном ещё светло, был трезвым, как стекло. Что ещё этим бабам надо?

Он опустил младшего сына Виталия на пол и пошёл на кухню прояснить обстановку.

– Наташа, что случилось? – спросил он, войдя в небольшое узкое помещение, основное место в котором занимал холодильник «Бирюса», доставшийся ему от родителей. На кухне ещё уместились старый набор кухонной мебели и газовая плита «Брест», которую он смог купить по талону в последний год советской власти.

Жена окинула внимательным взглядом его лицо, потом посмотрела на воротник.

– Что, сегодня без следов? – язвительно осведомилась она.

Несколько дней назад на одной из рубашек Цыганкова она нашла старый, уже засохший след от губной помады. Скандал подняла уже тогда и продолжала шуметь всю неделю. Сегодня было продолжение.

– Я же тебе говорил, – спокойно, стараясь не провоцировать ссору, ответил Цыганков, – это была оперативная необходимость, можешь позвонить Шумиллову.

– Какого рожна мне твой Шумилов скажет? – взвилась Наталья. – Вы там все хороши, стоите друг друга! Твой Шумилов тебя всегда покрывает, не говоря уже о Забелине. А ты шляешься по всяким бл...м, хоть бы о детях вспомнил! Я уж о себе молчу.

– Ну, Наташ, – извиняющимся тоном произнёс Цыганков, – ты же знаешь, мне никто не нужен, я тебя люблю.

– Ты лучше спроси, люблю ли я тебя! У других, посмотришь, всё есть, умеют люди устриваться. В твоём возрасте уже имеют машину, дачу, живут спокойной, солидной жизнью, а ты ведёшь себя, как мальчишка. Одни бабы на уме!

Наталья раздражённо сунула ему под нос тарелку с ужином и вышла из кухни. Лениво взял вилку в руки, Цыганков опустился на стул. Жена, с одной стороны, казалась права, другие женщины, конечно, были, да и как без них в его работе? У него было несколько женщин и девушек на оперативной связи, с ними приходилось встречаться, причём практически везде: и на конспиративной квартире, и в обусловленных местах, в том числе кафе и ресторанах. С некоторыми завязывались лёгкие романы, никогда не переходившие в нечто серьёзное.

Воспоминания вчерашнего дня вновь нахлынули на него. Он вспомнил, как они томи-тельно, в напряжении ожидали торговцев оружием. Сидели в своей машине тихо, почти не подавая признаков жизни.

Изредка Цыганков по рации переговаривался с Шумиловым, докладывая об обстановке. Потом они увидели, как появились оперативники УБОПа⁶ на «мерседесе» вишнёвого цвета – машине не новой, но выглядевшей прилично. Один из милицейских оперативников, Цыганков его близко знал, вышел из машины и, опершись на капот, неторопливо закурил. Это был Коля Сметанин, с которым Цыганков уже провёл несколько успешных совместных операций. Если Сметанин был здесь, значит всё должно пройти как по маслу, потому что он, словно некий оперативный талисман, сулил удачу.

Встречу назначили на десять часов утра. Торговцы запаздывали, и ожидание становилось тягостным, нудным. Возникли сомнения – появятся ли они вообще? Может, произошла

⁶ УБОП – Управление по борьбе с организованной преступностью МВД.

утечка, может, их предупредили о засаде? Оперативникам ФСК нестерпимо хотелось курить, но Цыганков не разрешал, боясь, что сигаретный дым из санитарной машины будет выглядеть подозрительно.

Так прошло минут двадцать.

Сметанин уже закурил третью сигарету, когда на площадку вырулила старенькая вазовская «копейка» оранжевого цвета. На улице было тепло и сухо, но номера её оказались заляпанными, словно водитель перед этим долго кружил по улицам города в поисках приличной грязи. Сметанин сразу узнал продавцов и неторопливо, вразвалочку пошёл к ним. Из машины выбрались два смуглых парня, явно кавказцы, значит, источник не соврал: оружие было привезено из Чечни.

Они начали переговоры, а Цыганков вылез из машины, приоткрыл дверь санитарной машины.

– Так, мужики, операция начинается, выходите по одному и старайтесь не привлекать внимание! – скомандовал он.

Сегодня нельзя было допускать ошибок, потому как вторая проваленная операция после Виккерс будет не только лишним подтверждением низкого профессионализма его, Цыганкова, может быть поднят вопрос о пребывании в органах.

Из «уазика» выbralось пять сотрудников Управления, все в камуфляже, у некоторых в руках автоматы. Старшему группы захвата – приземистому плотному майору Заварзину – Саша сообщил, указав на группу продавцов и мнимого покупателя:

– Следи за ними! Я буду возле нашей «шестёрки». Сигнал для начала захвата – опер, стоящий рядом с торгашами, потрёт рукой мочку уха.

– Понял! – ответил Заварзин, поправляя автомат на плече.

– Сразу после этого двигаетесь к объектам. Только смотри, опера ментовского не трогайте! Всё, я пошёл!

Он с деловым видом, как хозяин, отправился к одной из машин на стоянке, оставленной там заранее. Подойдя к машине, открыл дверцу, словно собрался что-то достать из салона, а сам, не переставая, следил за Сметаниным, активно торговавшимся с продавцами оружия.

Через какое-то время покупатель и продавцы втроём обошли «копейку», открыли багажник. Один из продавцов наклонился, откинул полог, а Сметанин в это время взялся правой рукой за мочку уха и начал её потирать, словно глубоко задумавшись при виде открывшейся ему картины.

Это был сигнал!

Люди, входившие в группу захвата, бросились к машине, при этом Цыганков был одним из первых. Он скачками кинулся к ближайшему продавцу, заметил испуганное от неожиданности лицо этого парня, но не успел приблизиться, как тот внезапно резко наклонился и Александр перелетел через него по инерции.

В голове мелькнуло: «Чёрт, неужели уйдет?» Однако тут подоспел Коля Сметанин. Он схватил парня сзади, прижал его к себе, не давая действовать руками, а Цыганков пружинисто взлетел с земли, и они вместе скрутили продавца, надев на него наручники. Второго взяли уже без проблем.

Досадная оплошность, которая с ним произошла, не давала покоя Цыганкову, он подошёл к Сметанину и крепко пожал ему руку. Тот рассмеялся:

– Что, Саня, хочешь так отделаться? С тебя пузырь.

– О чём речь! – невесело ответил Цыганков.

Он-то знал, что если Сметанин и его товарищи замнут оплошность, то съёмка с видеокамеры группы документирования ничего не скроет: Кислицын всё увидит самолично. Опять будут прорабатывать его и Шумилова. И несмотря на то что это была его разработка, его опе-

рация, которая всё-таки завершилась успешно – продавцов они задержали, стволы изъяли, настроение было испорчено.

Сидя дома за кухонным столом, Цыганков угрюмо думал обо всём этом. Тут ещё жена с её разборками. Он поднялся и взял из холодильника уже начатую бутылку водки.

Уральск, УФСК по Уральской области, кабинет полковника Кислицына Б.И., 17 июня, 14.30

Полковник Кислицын все эти дни был в хорошем расположении духа. Он довольно поглаживал лоб с большими залысинами, ходил по своему кабинету и напевал песни из своего комсомольско-партийного прошлого вроде «Марша коммунистических бригад»: «Будет людям счастье, счастье на века, у советской власти сила велика!»

При этом он нет-нет, да и бросал взгляд на стол, где у него громоздились папки с оперативными материалами, касающимися Забелина и Цыганкова. Эти папки накануне принёс ему Усольцев, аккуратно постучав в дверь и мягко, легко вкатываясь в кабинет с грудой оперативных дел.

«Он, пожалуй, действительно несколько легковесен, этот Усольцев», – подумал Кислицын и приоткрыл окно. В кабинет сразу ворвался шум улицы: звуки проезжавших машин, гомон проходившей внизу толпы. Фасад здания управления выходил на одну из оживленных улиц города – улицу братьев Стругацких. Далее, если идти по этой улице к реке, находился центральный книжный магазин, а ещё дальше – высокое сигарообразное здание областной администрации.

«И что всем этим людям надо, куда спешат?» – Борис Иванович недовольно сморщился и глянул вниз, слегка высунувшись из окна. Голова у него закружилась: он с детства боялся высоты. Закрыв окно, поспешно отошёл. «Суета, вокруг одна суета. Мы все спешим за чудесами, как поёт Антонов, но жизнь преподносит совсем другие сюрпризы».

Может, и его намерение поймать за руку людей Шумилова тоже суета. Бессмысленная трата времени. Кто знает? Его мысли вернулись к Усольцеву. В материалах, которые тот принёс, ничего не было стоящего, ничего весомого, чем можно было бы прижать хвост этим ребятам. Он, Кислицын, вчера весь вечер сидел, корпел над делами, пытался делать выписки, систематизировать данные, разложить их по полочкам у себя в голове.

Забелин и Цыганков активно передвигались, встречались с разными людьми, вели многочисленные телефонные переговоры, но всё было не то. Не было и намека на скрытую от посторонних глаз, изнаночную сторону их жизни. Даже интимные связи не удалось отследить, а ведь они должны были быть, особенно у такого ловеласа, как Цыганков. Кислицын в этом не сомневался.

Он подошёл к столу, положил руку на лежащее сверху дело с материалами наружного наблюдения и слегка забарабанил по картонной обложке пальцами, стремясь поймать ритм «Марша коммунистических бригад».

В этих толстых делах определённо не было ничего интересного. Может, Усольцев не проявлял должного старания, работал спустя рукава? Всё-таки это его бывший отдел, и симпатии к отдельным сотрудникам могли у него остаться – честь отдела и всё такое.

Нет, Усольцева он изучил. Усольцеву никто не нужен, никакие симпатии не помешают ему исполнить порученную работу. Он, словно механизм, действует чётко и без сбоев. И всё же, несмотря на бесплодность проделанной работы в отношении подчинённых Шумилова, Кислицын чувствовал, что бросать начатое не следует. Пока нельзя. Интуиция так подсказывала.

Он поднял трубку и набрал номер Усольцева.

– Леонид Петрович, вы хотели мне показать видеозапись, я освободился.

Вскоре Усольцев появился у него в кабинете, подошёл к видеомагнитофону «Панасоник» и отчего-то замешкался, внимательно осматривая кассету.

– В чем дело? – нетерпеливо поинтересовался Кислицын.

– Борис Иванович, я тут в одном из отделов изъясил видеокассету, неприличную. Подумал, что захватил её вместо той, которую хотел показать.

Действительно, в одном из кабинетов отдела по борьбе с терроризмом Усольцев случайно увидел, как молодые опера смотрят кассету с итальянской порнушкой «Белоснежка и семь гномов». Оперработники смутились, сказали, что кассета была изъята милицией на рынке во время очередного рейда, а они всего лишь взяли её на время. Усольцев сделал им замечание, отобрал злополучную кассету, а сам в своих рабочих записях сделал отметку об этом случае. Он никогда и ничего не забывал.

Сейчас же он замялся оттого, что вспомнил о той изъятной кассете с порнографией. Она была в такой же коробке, как и та, которую он хотел продемонстрировать заместителю начальника Управления, и он мог их запросто перепутать – в сейфе две кассеты лежали вместе.

Кислицын нахмурился.

– Дожили, нечего сказать! Вместо того чтобы делом заниматься, уже порнушку на рабочем месте смотрят. Во времена Андропова об этом и подумать не могли. Потом отдельно доложите, я накажу виновных.

Усольцев понятиливо кивнул. Он внимательно ещё раз осмотрел поверхность, но ничего не разглядел, никаких записей на чёрном пластмассовом корпусе кассеты и, искоса посмотрев в сторону начальника, вставил её в магнитофон.

Загорелся экран телевизора, но изображения не было – одна мутная белесая рябь. Потом, словно из тумана, появилась улица, магазинная площадка, на которой произошёл захват, зазвучали голоса сотрудников. Кадры поначалу хаотично мелькали, изображение дёргалось, но потом всё наладилось. Видимо, группа документирования заняла нужную позицию, укрепив видеокамеру на штативе. Было видно, что снимали из дома, примыкающего к магазину. Изображение сфокусировалось на санитарном уазике и сразу стало резким.

Кислицын знал, что именно хочет показать ему Усольцев – последний захват, проведённый отделом Шумилова. Но Леонид Петрович намекнул, что есть определённые нюансы, на которые он бы хотел обратить внимание начальника. Им, этим нюансам, никто не придавал значения – так, немного посмеялись. Но он, Усольцев, посчитал, что это не шутка. Вот и сейчас он с непроницаемым лицом присел в кресло и, взяв в руки пульт, принялся искать нужное место. Видеомагнитофон глухо завыл, с напряжением перематывая пленку, шуршавшую едва слышно и слегка потрескивавшую в металлическом брюхе аппарата.

– Старая кассета, – пояснил Усольцев, – у хозяйственников новых нет, пришлось старую использовать – того и гляди зажуёт. Ага, вот!

На экране пошло изображение, предшествующее захвату. Вот Цыганков пошёл, прогуливаясь, к своей машине. Милицейский оперативник подаёт сигнал. Цыганков и его группа бросаются к торговцам оружием. Цыганков пытается применить захват, но неудачно, и перелетает через корпус одного из преступников.

На этом месте Усольцев нажал «паузу».

– Борис Иванович, – сказал он, не отрывая взгляда от экрана, – обратите внимание на это.

– И что? Я уже видел, – разочарованно заметил Кислицын, – неудачный захват. Цыганков переволновался и недооценил противника, а противник оказался опытным. На его счастье, ему помогли, а то мог и пулю схлопотать.

– И всё-таки я хотел бы обратить на этот эпизод ваше внимание, – вкрадчиво продолжил Усольцев, и его крупное мясистое лицо приобрело то выражение хитрости, которое свойственно людям, считающим себя особо умными и проницательными, – мне кажется, он специально промедлил, дав подозреваемому лицу время для изготовления. Вот посмотрите!

Усольцев пустил плёнку в замедленном темпе. Было видно, как Цыганков медленными прыжками подбегает к торговцу, поворачивает голову вправо и влево, видимо, убеждаясь, что ему никто не помешает.

– Видите, вот эти повороты головы, – Усольцев вновь нажал на кнопку «пауза», – они отняли те нужные доли секунды, которые Цыганков мог использовать для решительного броска. Он специально промедлил, потому что в его подстраховке не было никакой нужды. За ним бежала вся группа захвата.

Недоверчиво посмотрев на начальника отделения, Кислицын возразил:

– Вы думаете, специально? Ну, не знаю! Для чего? Сорвать операцию, которую сам же и разрабатывал?

– Да, готовил её он, но, вероятно, в ходе подготовки на него вышли преступники, состоялся сговор. Цыганков не мог остановить уже запущенный процесс, но помешать этому мог.

– Подождите, подождите! – недовольно остановил его полковник. – У вас есть сведения, что на него выходили бандиты, проводили эту, как у них там говорят, «стрелку»?

– Ну, прямой и точной информации нет, но Цыганков опер, хорошо подготовленный опер, он может уходить от наблюдения, маскироваться. Мы могли упустить эту связь, она могла совершенно выпасть из поля зрения.

– Мне кажется, вы фантазируете, Леонид Петрович! – бросил заместитель начальника управления, – ваши фантазии проистекают оттого, что вы не обладаете достоверной информацией, а время уходит! Думаете, генерал будет бесконечно продлять санкцию на проверку? Я глубоко сомневаюсь!

Обиженно засопев, Усольцев вытащил кассету из видеомэгнитофона.

– Мы работаем, Борис Иванович, не сидим сложа руки, – подал он голос, – у нас не всё получается, но мы действуем.

– Вот и прекрасно, работайте тщательнее, глубже, не хватайте то, что лежит на поверхности, то, что может подбросить вам противник. Так, кажется, учит нас искусство контрразведки. А меня по таким пустякам, относящимся к вашим догадкам, не отвлекайте. Догадок я сам могу вам привести тысячи. У меня слишком много работы, чтобы ими заниматься. Забирайте свои документы, – Борис Иванович раздражённо двинул от себя стопку, – и принимайтесь за работу!

Когда за Усольцевым закрылась дверь, Кислицын разочарованно покачал головой, представив, насколько бестолковыми могут быть подчинённые. Усердие, как говорили классики, всё преодолагает. И всё же, всё же...

Может, он зря посмеялся над Усольцевым и тот в чём-то прав, не всё так просто? Былая подозрительность вновь проснулась в нём. Он принялся читать служебную почту, машинально накладывая резолюции, но мысли неотступно продолжали возвращаться к тому, что ему показал на пленке Усольцев.

Уральск, кабинет председателя Комитета по управлению имуществом Уральской области Плотникова М.Я., 21 июня, 10.05

Понедельник для Плотникова начался не так плохо, как он ожидал, несмотря на то что ещё русский император Николай I называл понедельник «чёрным русским днём». Сначала председатель облкомимущества провёл обычное аппаратное совещание, как он называл его для себя – разгонное, по аналогии с рюмкой водки в начале трапезы.

Затем он занялся переговорами с московским банком, в котором у него был открыт личный валютный счёт. Ему хотелось уточнить, была ли зачислена крупная сумма долларов, которую Плотников накануне положил на счёт. К сожалению, упрямый банковский клерк не хотел давать справок по телефону, и пришлось связываться с зампредом правления банка, лично ему знакомым. В результате всё оказалось нормально, деньги поступили.

Вообще у Плотникова были далеко идущие планы. Он хотел приобрести небольшой бизнес в Москве и соответственно жильё, достойное его положения. Наилучшим способом для осуществления этих намерений было переместиться по служебной линии в Первопрестольную. Во время командировок в столицу Плотников несколько раз встречался со своими непосредственными начальниками, и они обещали. Единственным условием с их стороны было скорое проведение приватизации в области; Михаил Яковлевич признавал это условие вполне справедливым.

Поскольку день с утра задался, у Плотникова было превосходное настроение. В оживлённом состоянии он ходил по своему большому кабинету, который раньше занимал секретарь обкома КПСС по идеологии. Его так и подмывало выйти в приёмную и игриво ущипнуть свою новую молоденькую секретаршу, которая вышла на замену внезапно заболевшей Алевтине Георгиевне.

Ближе к полудню в его кабинет заявился Гена Бондаренко. После поездки на металлургический завод к Генералову он развернул бурную деятельность по продаже ваучеров «красному директору». Получив в результате хороший куш, Плотников был очень доволен Геней.

Сейчас следовало скорее протолкнуть в верхах проведение последнего ваучерного аукциона, которые скоро должны быть совсем прекращены и заменены залоговыми. В Госкомимуществе без энтузиазма отнеслись к его просьбе, но Плотников был на хорошем счету, своего рода ударником приватизации, и, покрывив душой, ему пошли навстречу в порядке исключения. Москва всегда умела поддерживать людей в трудную минуту.

Гена Бондаренко энергично вошёл в кабинет, сопровождаемый молоденькой белокурой секретаршей.

– Михаил Яковлевич, к вам Геннадий Алексеевич, – произнесла она слегка испуганно.

– Ничего, ничего, – махнул рукой Плотников, – все нормально, Настя, я ждал Геннадия Алексеевича.

– Ну, я же говорил, – подмигнул ей Бондаренко, – все будет о'кейно!

Секретарь вышла, а Плотников посмотрел ей вслед и вздохнул.

– Представляешь, – сказал с сожалением, – такая молодая, а мужа уже посадили за кражу на три года.

– О, так она свободна? – цинично осклабился Геннадий.

– Нет, нет, она мужа любит: просила помочь, чтобы пересмотрели приговор. Но я тоже не всеильный, к судейским у меня нет подходов. Может, у тебя?

– Откуда? – Бондаренко отрицательно покачал головой.

Они прошли к столу, но разговору помешал звонок телефона. Плотников взял трубку.

– Да, Олег Викторович, заходите.

Дверь в кабинет открылась, и вошёл среднего роста мужчина. Несмотря на жаркий июньский день, он был в двубортном летнем костюме, рубашке с короткими рукавами – из рукавов пиджака выглядывали голые волосатые руки.

– Михаил Яковлевич, вот бумаги на подпись, – сказал мужчина, с любопытством поглядывая на Бондаренко.

Плотников взял папку с документами, открыл её и, бегло просматривая принесённые материалы, принялся визировать. Это продолжалось недолго, вскоре сотрудник Плотникова, получив обратно папку с подписанными документами, удалился.

– Знаешь, кто это? – поинтересовался Плотников, хитро улыбаясь.

– Помилуй, Михаил Яковлевич, откуда мне знать ваших клерков?

– Это, Гена, чекист из конторы Алексеева. Некто Верёвкин Олег Викторович.

– Что он здесь делает? – насторожился Бондаренко. – Зачем вам лишние глаза и уши гэбэшников?

Плотников насмешливо посмотрел на Геннадия, как смотрят взрослые на несмышлёных малышей, не понимающих простых житейских истин:

– Во-первых, Геннадий Иванович, их глаза и уши здесь могут быть и без нашего ведома, а так мы знаем кто и где. Во-вторых, я думаю ничто человеческое ему не чуждо, мы его прикормим.

Бондаренко засмеялся.

– Деньги не пахнут?

– Вот именно!

– Михаил Яковлевич, как у вас продвигается дело с аукционом? Нам пора решать вопрос по металлургическому заводу. Я недавно разговаривал с Генераловым, он торопит, и его понять можно. Время уходит, потом будет труднее.

Достав пачку сигарет, Бондаренко вытащил одну, закурил. Плотников пододвинул пепельницу.

– Я делаю всё, что можно, – сообщил он, – уже договорился с Москвой. Они дадут разрешение, но, сам понимаешь, не задаром. Как говорил Шаляпин, даром только птички поют. Труднее всего будет решить вопрос с Медведевым. Этот мухомор возомнил себя вождем народа Уральской области, вознёсся выше некуда. Не знаю, какие бонусы он затребует.

Выпустив длинную струю дыма, Геннадий глубокомысленно подытожил:

– Какие бы бабки он не просил, надо договариваться – другого пути нет! Это вопрос принципиальный. Генералов для нас с вами пробный шар. Если другие «красные директора» увидят, что тема прокатилась, они тоже пойдут к нам. Мы наварим кучу бабок. Сейчас самое время для этого, не всё же одному Березовскому иметь.

– Я думал об этом, – заметил Плотников и, покосившись глазами на комнату отдыха, спросил: – выпьешь?

Гена посмотрел на часы.

– Извините, Михаил Яковлевич, ещё не всё сделал. Надо будет забежать в пару мест.

– А я, пожалуй, выпью.

Плотников поднялся и, проследовав в свой интимный кабинет, налил рюмку коньяку. Жёлтая маслянистая жидкость приятно тяжелила рюмку. Выпив, он решил, что этого недостаточно, и добавил ещё. Состояние тела медленно сравнялось с состоянием души и дошло до нужной кондиции – стало тепло, весело, прекрасно.

Всё это время Бондаренко терпеливо ждал в кабинете. Плотников появился с покрасневшим лицом, его белесые синие глаза сделались почти прозрачными, и Геннадий подумал про себя, что если Плотников не перестанет активно употреблять, то, пожалуй, цирроз печени в недалёком будущем ему обеспечен.

– Я намерен в ближайшее время решить наш вопрос, – несколько пафосно сообщил Михаил Яковлевич, продолжая разговор как ни в чём не бывало. – Если Медведев будет артачиться, то подключу Дергачёва. Думаю, что против представителя президента он не пойдёт.

– Будем надеяться! – Бондаренко засобирился. – Ну, мне пора! Да, чуть не забыл, к вам хотел зайти предприниматель Матвеев, познакомиться, так сказать...

– Матвеев? Это который...

– Да, да, – подтвердил Бондаренко. – Тот самый, всем известный бизнесмен. В последнее время он набирает вес, того и гляди выдвинется в Госдуму на следующих выборах.

– Да брось ты!

– Не будьте наивным человеком, Михаил Яковлевич. Бандиты сейчас активно идут во власть. У них появились деньги, солидные капиталы, и никто не хочет, чтобы всё в одночасье вдруг улетучилось. Нужны гарантии неприкосновенности, а это может дать теперь Дума. Так вы его примете?

– У меня, в принципе, есть время до обеда, – согласился Плотников, посмотрев свои записи в ежедневнике. – Пусть приходит сейчас, пока есть окно. А ещё лучше, если ты его проведёшь вроде как своего знакомого, не хочу, чтобы его видел Верёвкин. Не исключено, что он может его знать, пойдут разговоры, сплетни, вони не оберёшься.

С Матвеевым Геннадий договорился сразу, позвонив из кабинета Плотникова по известному ему номеру.

– Пойду его встречу, – предупредил он Михаила Яковлевича.

– Давай, давай! – разрешил тот. – Я пока посмотрю бумаги.

Выйдя в приёмную, Бондаренко увидел, что молоденькая секретарь, чуть наклонив голову с заплетённой золотистого цвета косичкой, что-то печатала на машинке. Лицо её обладало правильными чертами с несколькими крупными деталями, которые его совсем не портили: большие глаза, большой рот, прямой нос, удлинённый овал лица.

Геннадий отчего-то захотел похвастать перед этой незнакомой ему девушкой.

– Настя, – сказал он со значением, – я сейчас приведу к Михаилу Яковлевичу одного человека на беседу. Плотников просил, чтобы его в это время не беспокоили.

– Хорошо! – спокойно, даже равнодушно произнесла Настя.

– Это не простой человек, это... самый главный у нас в области по части... – Бондаренко замялся, не зная, как мягче сказать, – ну, по части криминала, что ли.

В глазах Насти возник интерес.

– Он что, бандит?

– Нет, он бизнесмен – уважаемый человек.

– А в колониях, – девушка на мгновение задумалась, – он кого-нибудь знает, например, в нашей, Клыковской?

– Наверное. Можно спросить у него.

– Хорошо, я спрошу.

Геннадий ещё мгновение посмотрел на неё, думая, что девушка что-то добавит, но та повернулась к пишущей машинке и снова застучала по клавишам.

В прохладном холле большого здания администрации его уже ждал Матвеев. По виду он выглядел как бизнесмен средней руки: летний дорогой костюм, кожаный портфель, коричневые туфли известной фирмы. Увидев Бондаренко, Матвеев подошёл к нему, и они коротко поздоровались.

В глубине души Геннадий испытывал страх. Ему казалось, что лицо Матвея обладает невероятной харизмой, магической силой, подавляющей чужую волю: жесткие негнущиеся губы, нависшие веки над глазами, делающие взгляд режущим, лишённый эмоциональной окраски голос. Наверное, так и должны выглядеть мафиози где-нибудь в Италии. Но в России? У Бондаренко были другие представления о русских криминальных авторитетах. Он натянуто улыбался, стараясь выглядеть приветливым.

В приёмной Матвей тоже обратил внимание на Настю. Он негромко поздоровался, а Настя оторвалась от машинки, подняла голову.

– Михаил Яковлевич ждёт вас, – сообщила она официальным тоном, сама внимательно разглядывая его.

Как показалось Бондаренко, в её взгляде проскользнуло нечто недосказанное: то ли любопытство, то ли испуг, то ли что-то другое, и он заметил, как дрогнули веки Матвея, как тот резанул по ней взглядом.

Они вошли в кабинет.

Судя по несколько покрасневшему носу, Михаил Яковлевич в его отсутствие выпил ещё несколько рюмок коньяка. «Хотя бы его хватило до конца разговора, – подумал с неприязнью Бондаренко, – здесь дела надо делать, а он бухает, как сапожник».

– Проходите, садитесь! – радушно предложил Плотников. – Мне Геннадий уже рассказал о вас. Какие проблемы? Чем может помочь облкомимущество?

Откашлявшись в кулак, Матвеев сказал:

– Да у меня особых проблем вроде нет. Хотел с вами познакомиться, Михаил Яковлевич, лично.

– Очень приятно! – ответил Плотников, слегка сбитый с толку. – Что у вас за бизнес, чем занимаетесь?

– У меня несколько продуктовых магазинов. Но есть хорошая тема. Геннадий посоветовал вложить капиталы в ликероводочный завод в Краснокаменске. Потом недавно на аукционе я купил спиртовой завод.

– Да, этот бизнес будет давать хороший доход, народ у нас пьющий, причём пьёт в любое время и при любых правителях: что при царе, что при коммунистах.

– Не знаю, что делать с рабочими на ликероводочном, – продолжил Матвей, собирая жёсткие складки вокруг рта. – Половина из них пьёт по-чёрному, выгонять надо, но у меня условия конкурса: нельзя трогать трудовой коллектив в течение года после приватизации. Михаил Яковлевич, нельзя ли этот пункт обойти? Сильно он мне мешает!

На мгновение задумавшись, Плотников сказал, отводя глаза, чтобы не сталкиваться с неприятным взглядом Матвея:

– В каждом правиле есть исключения. Я думаю, что надо подготовить толковое обоснование для этого. Например, в связи с реконструкцией цехов предприятия требуется сокращение рабочих кадров. Подумайте с Геннадием, у него есть юристы. Бумагу направите на моё имя, а я постараюсь её протолкнуть наверх, ускорить, так сказать, процесс, как говорил в своё время незабвенный Михаил Сергеевич Горбачёв. А у меня к вам в свою очередь тоже есть просьба: у моего секретаря проблемы с мужем. Его вроде как посадили, и он сейчас в Клыквской колонии. Ей нужно передать вещи, я не знаю, может, деньги... У вас есть возможности?

– Конечно, Михаил Яковлевич, попробую помочь. Знаете, у меня сегодня маленький праздник...

– Что такое? День рождения?

– Ну, можно сказать и так. Я сегодня открываю казино, и хотел бы вас пригласить вместе с Геннадием. Открытие будет в семь вечера, так что милости просим!

– Казино? – удивился Плотников. – Но вы говорили о другом бизнесе.

– Знаете, экономисты советуют диверсифицировать бизнес. Нельзя класть яйца в одну корзину.

– Будем считать, что вы меня уговорили, – охотно согласился Плотников, подивившийся экономической подкованности Матвея, – я приду! Только мне не хотелось бы сильно светиться. Сейчас Медведеву нужны громкие проекты, связанные со строительством производственных объектов, каких-нибудь откормочных цехов, мостов, дорог. Или нечто типа программы «Дети Уральска». А казино не сильно приветствуется – это атрибут богатых и успешных.

– Учту ваши пожелания. Только в следующий раз! – заметил Матвей, вежливо улыбнувшись.

Матвей был доволен этой встречей. Через какое-то время, вернувшись в свой офис, арендованный им почти в центре города, он набрал номер в приёмной Плотникова.

– Настя? – спросил он, – Михаил Яковлевич, сказал, что у вашего мужа проблемы. Может, я могу чем-то помочь?

– Я хотела найти человека, – сказала девушка, – у которого есть возможность передать в Клыквскую колонию деньги и вещи мужу. Я туда ездила несколько раз, но с ним пока свидание не разрешают.

– За что сидит? – деловито осведомился Матвей.

– Да, так... – Настя замялась, – в милиции говорят, за мошенничество, а муж – что ничего не делал. Я толком не знаю.

– Понятно. Знаете, Настенька, нам надо встретиться, поговорить. У меня, возможно, найдутся хорошие знакомые, которые помогут.

– Да, а когда? – девушка растерялась. – Я все время на работе, вечером надо забирать ребёнка из садика.

– Отпроситесь у Плотникова, Михаил Яковлевич поймёт. Он очень вам сочувствует. Если надумаете, приходите, чем смогу – помогу. Запишите мой телефон.

Матвей продиктовал свой телефон и положил трубку, довольно глянул на сидящего рядом Беспалого. Тот курил сигарету, лениво пуская дым в стороны и откинувшись на спинку большого кресла. Во время разговора Матвея с Настей по его лицу блуждала неясная усмешка, усмешка человека, которому наперёд известно, чем кончатся такие звонки.

– Слышь, Матвей, ты чё замутил, на хрен тебе эта тёлка? Ты только свистни, я тебе полную хату ими набью, – сказал он своим обычным, сиплым от долгого курения голосом.

– Ты, Беспалый, много чего не вдупляешь, баб вокруг полно, но мне не нужны всякие бл...ди, мне нужна секретарь Плотникова.

Удивлённый Беспалый переспросил:

– И на кой тебе эта девка? У неё мужик на зоне...

– Её мужику мы поможем, – Матвеев достал из кармана пистолет ПМ, который он всегда носил с собой, и положил его в небольшой сейф, стоявший в углу кабинета, – а Настя нужна мне. Она секретарь Плотникова. Сейчас начинается интересная тема, и мы должны знать, что будет делать этот лох вместе со своей шестёркой Геной. Девку я приручу, она будет как шёлковая, а свой человек нам в этом грёбаном заведении совсем не помешает. Ты, Беспалый, пока передай на зону, чтобы за её мужиком присмотрели, чтобы ненароком не завафлили.

– Всё сделаю, – кивнул Беспалый, и с его лица исчезла та легкомысленная понимающая улыбка, которая возникла в начале разговора. – Девка-то хоть ничего?

– Сгодится, вроде не крокодил.

Уральск, больница скорой медицинской помощи, 22 июня, 13.10

В середине июня солнце пригревало всё сильнее, уральская земля постепенно оттаивала, раскрывая свои недра благотворному теплу. Забелин распахнул форточку, и лёгкий воздух освежающими струями потёк в его прокуренный кабинет. Он узнал, что сегодня должны были выписать из больницы Виккерс, предложил Цыганкову поехать, встретить её у входа. Однако Сашка заупрямился, ссылаясь на занятость, хотя две недели назад всё было наоборот, и Цыганков сам его уговаривал.

Забелин закурил, пустил струю дыма в форточку. Однако сизый дым, подгоняемый втекавшим навстречу воздухом, бесформенными клубами валил назад, распространялся по кабинету.

Он посмотрел на бумаги, лежавшие на столе небольшой стопкой. Ничего срочного: справки о встречах с источниками, текущие ШТ⁷. Острых мероприятий не было и пока не предвиделось, нечем было себя задержать и оправдаться за то, что не поехал в больницу.

С одной стороны, ему хотелось увидеть Риту, поговорить с ней, а с другой, он размышлял, будет ли это правильным, не вызовет ли негативной реакции – возможно, они были виноваты в её ранении в большей степени, чем думали сами.

Какое-то время он стоял и курил у окна, решая для себя, как быть. Вялая борьба мотивов была прервана появлением Цыганкова.

⁷ ШТ – шифртелеграмма.

– Что, Серёга, не поехал? – деланно удивился тот, с размаху опускаясь в старое продавленное кресло, стоявшее у стены.

– Нет, тебя жду.

Цыганков скривился.

– А может, без меня? Не люблю я эти мероприятия, вздохи, слезы, сопли...

– Знаешь, как говорится, долг платежом красен. Кто с тобой две недели назад поехал к Виккерс? Кого ты упрасивал, причём не очень долго?

Цыганков расплылся в улыбке:

– Тебе же всё равно делать было нечего, развеялся немного. И потом... – он с невинным видом уточнил: – ты что, на неё запал?

– Конечно, что мне ещё оставалось делать? У нас ведь только ты числишься спецом по женской части. Я как-то в этом замечен не был.

– А пора бы уже, сколько можно болтаться холостяком, как нечто в проруби? – Цыганков помолчал, потом тяжело вздохнул, словно предстояло взвалить на свои плечи тяжёлую ношу. – Лады, раз просишь, выкрою время для тебя.

– Он выкроит время! – с наигранным возмущением заметил Сергей. – Большой босс, однако. Собирайся давай, дамский угодник!

На машине отдела они отправились к больнице, но трогаясь с места, не заметили, как из проулка, примыкающего к зданию управления, следом выскочила бежевая вазовская «восьмёрка».

Несмотря на загруженность городских улиц, Забелин с Цыганковым за короткий срок добрались до больницы. Там уже стоял огромный чёрный джип, поджидая свою хозяйку. Возле джипа нетерпеливо прохаживался водитель Виккерс, он же по совместительству её телохранитель. Парень был не из тех шкафоподобных качков, которые сидели в баре накануне покушения, он выглядел вполне спортивно, чувствовалась хватка десантника или спецназовца какой-нибудь силовой структуры.

Оперативники подошли к нему. Забелин показал удостоверение.

– Маргарита скоро выйдет? – поинтересовался он.

Водитель посмотрел на часы:

– Говорили, в час дня, но до сих пор нет.

Забелин тоже невольно глянул на часы. Было уже двадцать минут второго. Наверное, что-то пошло не по плану. Может, надо было сделать перевязку, может, какая-нибудь ещё процедура осталась.

Он поёжился, представив, какие раны на теле Маргариты могли вызвать пули. Это нежное женское тело. Оно вовсе не предназначено для боли, для того чтобы его избивали, стреляли, резали. Это ведь не мужское тело – грубое и бесчувственное, тело бойца или солдата.

Неожиданно белая массивная дверь больницы распахнулась, в окружении двух врачей появилась Маргарита. Водитель поспешил к ней, чтобы поддержать под руку. Виккерс неторопливо шла к машине и только тут заметила двух оперативников. По всему было заметно, что у неё хорошее настроение.

– Двое из ларца, одинаковых с лица! – шутливо заметила она.

– Рита, – подошёл первым Цыганков, – мы рады, что тебя выписали из больницы. Хорошо, что всё так благополучно обошлось...

Он ещё говорил, но Маргарита его не слушала, она с любопытством смотрела на Забелина, словно ждала от него чего-то. Сергей тоже подошёл. Он внимательно, осторожно посмотрел в её карие глаза. Ему на миг показалось, что он увидел в них знак вопроса, что-то невысказанное, требовательное, и этот её прямой взгляд смутил Забелина, заставил сердце забиться сильнее. Он почувствовал, как вспыхнуло лицо, отвёл глаза в сторону.

– Мы беспокоились за вас, – сказал Сергей чужим, как ему показалось, голосом.

– Правда, что ли? – поддерживая шуточный тон, спросила Виккерс.

Она решила, что произвела впечатление на Забелина, и у неё возникло желание немного подразнить его, чтобы понять – хватит ли у этого привлекательного мужчины выдержки общаться с ней? Не сбежит ли он, как до этого поступало большинство кавалеров?

Её считали стервой. Может, и правильно! Без известной доли стервозности в этой жизни не выплыть. И всё же ей хотелось чего-то надёжного, настоящего. Ей хотелось отношений именно с таким спокойным, уравновешенным человеком, который стоит перед ней, точно скала посреди бушующего океана. Хватит тратить время на фантазёров, инфантильных юношей, циничных ловеласов!

– Волноваться за пациентов больницы тоже входит в ваши обязанности? – спросила она вроде обоих, но по всему было видно, что её интересует ответ Забелина.

– Нет, конечно! – ответил Сергей. – Но мы считаем себя отчасти виновными в том, что произошло. Я думаю, что человеческая забота о ближнем отличает нас от дикарей, делает нравственнее.

– Чекисты и нравственность. Забавно! – усмехнулась Маргарита. – Что же, господа, благодарю, что приехали. Когда я немного приду в себя, то приглашу отметить благополучное спасение.

Охранник помог Маргарите сесть в машину, заботливо поддерживая её, и машина, мягко тронувшись с места, поехала по улице. Забелин увидел, как за стеклом салона мелькнуло бледное лицо Виккерс. Ему показалось, что она помахала рукой, а Сергей, глядя вслед отъезжавшей машине, виновато сказал:

– Надо было цветы купить!

Посёлок Клыково, административное здание исправительной колонии общего режима, 23 июня, 10.34

Исправительное учреждение, находившееся километрах в сорока от областного центра, было окружено со всех сторон густым сосновым лесом и, казалось, забыто цивилизацией. Усольцев вместе с сопровождавшим его Куроедовым на серой служебной «Волге» выехал в посёлок рано утром, чтобы до обеда управиться с делами.

Встреча с начальником колонии была назначена заранее. Едва сотрудники ФСК вошли, навстречу поднялся с кресла худощавый полковник внутренних войск, чем-то напомнивший Усольцеву поэта-сатирика Иванова, который некогда вел популярную на телевидении передачу «Вокруг смеха».

Они представились, пожали друг другу руки. Заметив интерес Усольцева к вещам, находившимся в кабинете, Егоров, так его звали, принялся показывать и рассказывать о некоторых из них.

– Здесь, в кабинете, практически всё сделано руками зеков, – информировал он с некоторой гордостью, словно директор передового производства на выставке своей продукции, – этот стол, стулья, шкаф.

Егоров провёл рукою вокруг, и Усольцев проследил за его жестом.

Над столом начальника колонии висел на красном фоне позолоченный двуглавый герб, вырезанный из дерева зеками. Подойдя к шкафу со вставленными прозрачными стёклами, Егоров показал лежавшие там кружки, стальные ножи, разные фигурки из дерева и кости, несколько изделий из трикотажа. В углу небольшой стопкой лежали деревянные шахматы. Верхнюю коробку с шахматами он достал и вручил Усольцеву:

– Это наш подарок, чем богаты – тем и рады!

– Спасибо! – ответил Усольцев и передал шахматы Куроедову – он не любил, когда были заняты руки, и только потом похвалил: – Да, сработано на совесть!

– Знаете, тут есть такие умельцы, блоху подкуют – заняться-то ведь особо нечем. А хотите, я вас зековским чаем угощу? – внезапно спросил Егоров. – Учтите, если надо будет навести с ними мосты, придётся наших подопечных угощать чифирём.

– Не стоит, Леонид Петрович, – предупредил капитан Куроедов. – Сердце потом будет колотиться как бешеное, я пробовал...

Усольцев и без предупреждения Куроедова знал, что представляет собой чифирь, поэтому вежливо отклонил предложение начальника колонии.

– Товарищ полковник, – заявил он, – хотел обсудить с вами один вопрос.

– Конечно, конечно! – согласился Егоров.

Они сели за стол.

Усольцев старался говорить веско и убедительно.

– Нам, нашему ведомству, для оперативных целей нужно два ваших заключённых на непродолжительное время. Конкретно для чего, как вы понимаете, я не могу сообщить, но обещаю, что они будут находиться под плотным контролем.

Произнеся ещё несколько дежурных фраз о необходимости тесного сотрудничества двух служб, которое должно послужить на пользу обществу, Усольцев умолк.

– Ну, вы знаете, у нас не дом отдыха и не проходной двор, – нахмурился Егоров, которому просьба эфэскашника не пришлась по душе, более того, показалась странной, – мы не можем устраивать прогулки, свободные гуляния. У нас всё-таки режим, пусть колония и не строгого, а общего режима. Каждый выход заключённого из зоны на свободу отслеживается не только нами, но и теми, кто остался. Потом они задаются вопросом: «А за какие такие заслуги отпустили Иванова в отпуск, особенно если это не очередной, а краткосрочный?» Так легко отсюда не выходят и сюда не возвращаются.

Егоров замолк и строго посмотрел на Усольцева. Вид полковника выражал полную непреклонность, педантизм старого служаки, твёрдо стоящего на страже закона. Вид его говорил, что никакие контрразведчики не смогут помешать ему исполнять свои обязанности.

С досадой уяснив, что с полковником не получится договориться легко, с первого раза, Усольцев покраснел, нахмурился, настроился на долгий разговор. Он хотел прибегнуть к разным убедительным аргументам, но неожиданно вмешался Куроедов.

– Николай Сергеевич, – подал голос капитан, – а каким образом были отпущены из третьего отряда осуждённые Коляда и Евстифеев? Насколько я знаю, их опустили с вашего разрешения в краткосрочный отпуск.

– Да, – согласился Егоров. – Они сообщили о тяжёлом семейном положении, и я принял решение отпустить их в Уральск, навестить больных родственников.

– Видимо, после того как они их навестили, эти осуждённые трудились у вас в гараже, ремонтировали личный автомобиль.

– Вы мне угрожаете? – возмутился начальник колонии, его лицо покрылось красными пятнами. – Я не потерплю шантажа и давления. Я буду звонить вашему начальнику управления.

– Что вы! – спокойно заметил Куроедов. – У нас же сложились нормальные отношения, Николай Сергеевич. Давайте решать вопросы совместно, помогать друг другу, а не ставить палки в колёса!

Егоров промолчал, только усы его под худым и длинным носом грозно встопорщились.

– Так что? – спросил он уже другим тоном. – Как я понял, вам надо организовать краткосрочный отпуск для пары зеков?

– Да, – подтвердил Усольцев, – только время мы обговорим с вами позднее, сейчас мне надо встретиться с этими людьми, посмотреть на них. Может, они для нас не годятся.

– Это мы устроим! – успокаиваясь, Егоров поднял трубку. – Антон Семёнович, к вам подойдут сотрудники ФСК, да, да из контрразведки, окажите им максимальную помощь. Выделите помещение и всё такое, они хотят побеседовать с несколькими зеками.

Затем Егоров обратился к Усольцеву с принуждённой улыбкой:

– На КПП⁸ вам выделяют комнату, я, к сожалению, проводить вас не смогу – работы много, но Василий знает дорогу. Будете в наших краях, заходите в гости, всегда рад увидеть.

– Конечно, взаимно! – отозвался Усольцев, усмехаясь про себя внезапной податливости начальника колонии.

КПП располагался неподалёку от административного здания. От него в обе стороны широкими полосами шли столбы с колючей проволокой. Зелёные высокие ворота, через которые на территорию колонии заезжали машины, были наглухо закрыты. За КПП, собственно, и начиналась зона.

Дежурный офицер, оказавшийся Антоном Семёновичем, сразу предоставил комнату и вызвал на беседу нужных контрразведчикам людей. Покашливая в кулак, он вытащил две пачки сигарет и отдал их Усольцеву, чтобы легче было наладить контакт при разговоре.

Перед выездом Усольцев ознакомился с материалами, относящимися к вербовке трёх источников. Для поставленных целей он отобрал двух, тех, что помоложе.

Первым привели худощавого бритого парня с бегающими неприятными глазками. Увидев на столе пачку сигарет, он по лагерной привычке взял их без спроса и попросил закурить. Куроедов зажёл огонь в зажигалке, поднёс к сигарете.

– Ну что, гражданин Грачёв, – сказал капитан ровным тоном, и Усольцев отметил про себя, что Куроедов уже приобрёл опыт общения с местным контингентом, держался спокойно, уверенно, – сможете нам помочь?

Грачёв глубоко затынулся.

– А что надо делать, граждане начальники? Завалить кого или на гоп-стоп взять?

– Да ничего особого, – вступил в разговор Усольцев. – Надо одному человеку сказать, что у вас есть подельники, готовые продать оружие.

– Стволы, значит? – Грачёв снова затынулся и практически в две затяжки выкурил сигарету. Потом без перерыва взял новую.

– Да, – подтвердил Усольцев. – Затем этого человека, если он согласится купить, надо отвести к другому, который тоже будет отсюда. А там уже наша забота.

У Грачёва забегали глаза.

– А чё я с этого буду иметь, начальник? Мне надо тёлоч, пойла побольше, да колёса поторчать. А может, и срок скостят?

– Насчёт срока сомневаюсь, это ты загнул! – усмехнулся Куроедов, и румянец выступил на его щеках. – Но послабления в режиме мы сделаем.

– Когда надо начинать?

– Скоро, гражданин Грачёв, скоро! – ответил Усольцев.

Потом привели заключенного по кличке Бес. Усольцев предложил ему то же самое, что и Грачёву, и в общем-то долго уламывать того не пришлось. Однако, едва узнав, что он будет работать в паре с Грачёвым из второго отряда, Бес переменялся в лице.

– Я с ним работать не буду.

– Чего так? – удивился Усольцев.

– Да он же опущенный, гребень, петух. Я с ним работать не буду, а то сам зашкварюсь.

Чтобы не обсуждать эту тему и не тратить время попусту, Усольцев отправил Беса назад в свой отряд и за неимением других вариантов вызвал на беседу третьего источника – зека по кличке Калина.

Это был небольшого роста сорокалетний мужчина, имевший много наколок на руках. Усольцеву он почему-то сразу не понравился, с первого взгляда. Он почувствовал затаённую злобу, внутреннее отторжение, впрочем, тщательно скрываемое. Если бы подполковник не

⁸ КПП – контрольно-пропускной пункт.

знал, что перед ним сидит завербованный уголовник, который добровольно сотрудничает с органами контрразведки, то подумал бы, что к нему на беседу привели лагерного авторитета, пахана.

Однако делать было нечего, и Усольцев, осторожно прощупывая, завёл разговор. Он, не вдаваясь в детали, объяснил, что должен сделать Калина, и пообещал, что поспособствует облегчению его пребывания в колонии. Калина всё понял, без долгих размышлений согласился с предложением. Он взял со стола пачку сигарет, попросил ещё, для братвы. Куроедов отдал ему две пачки, запасённые заранее перед посещением колонии.

В общем, дело было сделано.

Они попрощались с дежурным офицером и поехали назад, в Уральск. По дороге не разговаривали, обсуждение при водителе оперативных дел не практиковалось.

Немного укачивало. Усольцев расслаблено смотрел на дорогу, иногда переводя взгляд по сторонам, где мелькали, безостановочно проносясь мимо, стройные зелёные сосны. Он протянул руку и включил автомобильное радио, зазвучала песня Аллы Пугачёвой «Любовь похожая на сон», которая ему нравилась.

Усольцев был доволен и благодушно улыбался. Всё сложилось удачно, поездка оказалась не пустопорожней, а звучащая песня ещё больше поднимала настроение. Он хотел поблагодарить Куроедова за помощь и для себя решил, что обязательно будет ходатайствовать о его поощрении. Оглянувшись назад, чтобы похвалить капитана, Леонид Петрович увидел, что тот безмятежно спит. Куроедов откинулся назад, на автомобильное сиденье, и распустил губы, как дети во сне.

Уральск, Центральный городской парк, передвижной зоопарк, 25 июня, 13.28

Была суббота, предпраздничный день. Цыганков проснулся поздно, но всё равно вставать не хотелось. Иногда приятно полежать просто так, вытянувшись на кровати всем телом, ощущая радость ничегонеделанья. Не надо спешить на службу, не надо встречаться с агентами, объясняться с начальством. Впереди были длинные выходные, которые он хотел провести с семьёй.

Наташа уже встала и что-то делала на кухне, оттуда доносились разные звуки, вкусные запахи. Мальчики ещё спали.

Сегодня они задумали пойти в зоопарк, потом в кафе и поесть мороженого. Дети всегда любили эти совместные походы вместе с родителями – жалко, что они случались так редко.

Александр начал припоминать, когда они последний раз собирались вместе. Пожалуй, это было в начале мая, на даче у родителей жены. Они тогда приехали помочь посадить картошку, а после работы попарились в баньке и, как водится, выпили вместе с тестем. Мальчишки тоже помогали в меру своих сил: подтаскивали ведра с картошкой, которые тёща накладывала полупустыми, чтобы детишки не надорвались. Тесть поглаживал седые усы и довольно приговаривал:

– Смотри, какая смена растёт, одно слово, внуки, не какие-нибудь там девчонки.

Из кухни показалась голова Наташи:

– Саша, ты вставать-то думаешь? Детей тоже пора поднимать, надо ещё обратиться в квартиру.

Цыганков бодро поднялся, умылся по старой привычке под краном холодной водой, докрасна растерев тело жёстким махровым полотенцем. Он поиграл мускулами перед зеркалом, напрягая бицепсы и кубики пресса на животе, выгибался как бодибилдер, привыкший удивлять публику. Наконец, оставшись доволен собой, Цыганков пошёл будить мальчишек.

И утро завертелось как юла, которую безостановочно запускала чья-то рука. Они вместе с мальчишками по-военному быстро убирались в квартире под бдительным взглядом Наташи, которая, пользуясь случаем, неуступчиво заставляла их переделывать уже сделанное. Потом

пошли в зоопарк. Своего зоопарка в городе не было, поэтому летом обычно приезжали гастролирующие вместе с цирком шапито.

Несколько рядов с клетками поставили возле входа в центральный парк. Некоторые из зверей дремали на солнце, другие безостановочно ходили внутри клеток, видимо, возбуждённые видом разновозрастных посетителей. Лёгкий ветерок разносил запах животных, их испражнений, своевременно не вычищенных до приёма посетителей. Этот запах зверья причудливо смешивался с запахом жареной кукурузы и сосисок, которыми торговали в ларьках неподалёку.

Цыганков ходил вдоль клеток с животными, с интересом наблюдал за представителями фауны, среди которых были довольно экзотические для Урала. С не меньшим интересом он следил и за своими детьми, смешавшимися в толпе со сверстниками. И те и другие были абсолютно непосредственны, естественны, как бывает естественной дикая природа.

Рядом с мужем ходила Наталья, откровенно скучая, но делая вид, что ей тоже интересно. Она как-то призналась, что никогда не любила животных, и это было удивительно с учётом того, что её родители всегда держали живность и дома, и на даче.

На одной из дорожек они встретились с другой семьёй, также бродившей от одной клетки к другой. Молодая женщина приятной наружности шла с двумя девочками и мужем. Те немного отстали, и женщина почти столкнулась с Натальей.

– Извините! – пробормотала она, и Наталья с удивлением вдруг увидела, что женщина, посмотрев на Цыганкова, слегка смутилась.

Ревность вспыхнула в ней, а Александр сделал вид, что ничего не произошло, он только сдержанно кивнул головой, и они прошли мимо.

– Кто это, ты её знаешь? – вполголоса спросила жена Цыганкова, злые огоньки зажглись в её зелёных глазах.

– Встречались где-то, она вроде в милиции работает, – флегматично заметил Цыганков.

– Ты ещё скажи, что ты член её кружка, – перефразируя известный анекдот, произнесла Наталья. – Так и знала, что твоих девок увижу, хоть и не выходи никуда с тобой.

– Наташа, Наташа! – укоризненно бросил Цыганков, оглядываясь и проверяя, чтобы их разговор не услышали дети. – Вечно ты из мухи слона делаешь! Эта женщина работает в милиции и больше ничего, ей-богу! Я знаю её по работе. Да и зачем она мне, у меня же есть ты!

– Конечно, – обидчиво заметила жена Цыганкова, – все вы так говорите, кобели! Только и знаете, что по бабам бегать!

Тягостное молчание повисло между Цыганковым и его женой. Они шли по зоопарку, им обоим вдруг захотелось быстрее закончить эту затянувшуюся прогулку.

Внезапно на поясе у Цыганкова раздался писк пейджера. Он достал его и с трудом, поскольку на экран падал яркий солнечный свет, прочитал короткое сообщение. Абонент по имени Олег просил перезвонить по телефону, причём номер ничего не говорил Александру. Но стоило ли тратить время на звонки неизвестным людям, у него ведь выходной? Цыганков заколебался, нерешительно поглядел на жену.

– Наташ, мне надо позвонить! Срочно!

– Иди, иди! – махнула та рукой. – Опять со своими девками трепаться будешь. Мне всё равно, я давно знала, что семья для тебя ничего не значит.

– Зачем ты так? Я сейчас по-быстрому позвоню и вернусь.

Он поглядел на детей и пошёл к воротам центрального парка, где стояли телефоны-автоматы.

По набранному номеру сначала никто не отвечал, и Цыганков, слушая длинные непрекращающиеся гудки, уже хотел повесить трубку, потом кто-то на другом конце провода ответил. Фоном для разговора служил непонятный шум, который, как потом понял Цыганков, был шумом бассейна: слышались плеск воды, разговоры людей, громкая музыка.

– Цыганков у телефона, – сообщил Александр. – Мне сбросили этот номер на пейджер и просили позвонить. Я слушаю!

Незнакомый мужской голос ответил:

– Бутуз хочет с тобой потолковать.

– Где и когда?

– Стрелка через час, в сельмашевской сауне, знаешь, где это?

– Да, – ответил Александр, – я буду.

Он повесил трубку и задумчиво постоял в кабинке телефона. Вернувшись к передвижному зоопарку, Александр принялся бродить среди посетителей, но свою семью не нашёл – видимо, обиженная Наталья увела детей домой.

Уральск, спорткомплекс «Сельмаш», 15.00

Вскоре Цыганков оказался возле спорткомплекса «Сельмаш». У входа топталось два охранника, которые никого не останавливали, но внимательно всматривались в лица. Он представился им, и один, жуящий всё время жвачку, отчего его скулы напоминали щёки хомяка, повел оперативника вглубь спорткомплекса, через многочисленные помещения и раздевалки.

В кабинете директора комплекса «Сельмаш» в кресле важно восседал некто, кого по оперативным описаниям Цыганков знал как Бутуза – лидера сельмашевской ОПГ⁹.

Это был молодой человек лет двадцати пяти, крепкий, накаченный от постоянных занятий с металлом. Пухлое гладкое лицо криминального авторитета лоснилось как у младенца, видимо, оттого он и получил свою кличку. На стене висел большой плакат «Мисс Уральска 1993», на котором была изображена симпатичная девушка – по слухам, любовница Бутуза.

⁹ ОПГ – организованная преступная группа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.